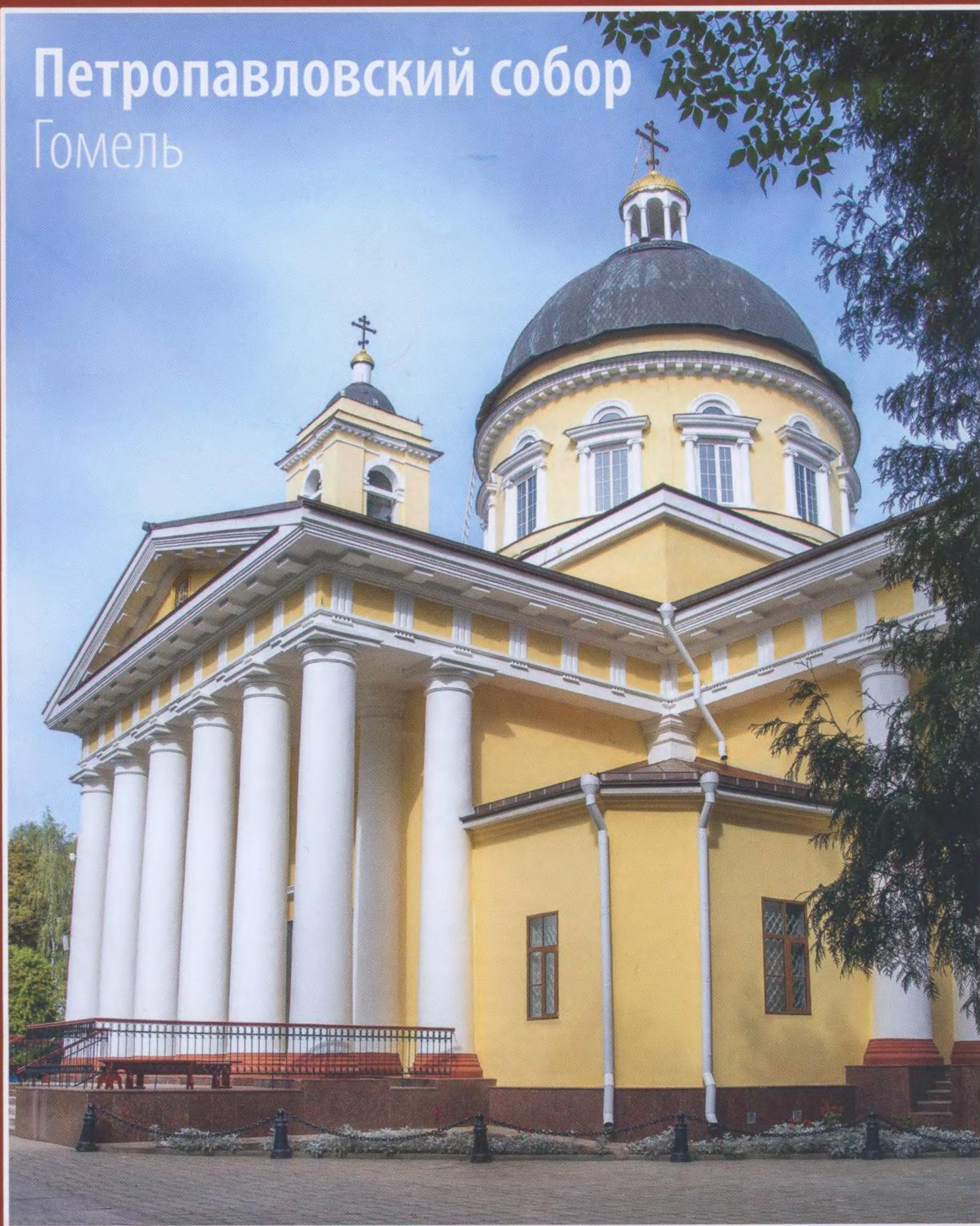
VISIT…

LANZAROTE Caliente.com

Православные Храмы

путешествие по святым местам

№125

Петропавловский собор
Гомель

Рождение шедевра

Лучшее желание сердца

Через века

Маятник Фуко

Судьбы

Государственный муж

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 19 900 бел. руб., 290 тенге

Еженедельное издание

Оглавление

Эпоха

«Стояли стогны озерами...» 3

Рождение шедевра

«Сим исполнив свой обет...» 4

Через века

Два столетия 6

Святыни

Преподобная Манефа Гомельская 12

Облик

Замечательная гармония частей 14

Окрестности

Дворцово-парковый ансамбль 20

Судьбы

Не только оружием 24

Современная жизнь

«Исправить ошибки прошлого...» 30

**«Православные храмы.
Путешествие по святым местам»**
Выпуск № 125, 2015
Еженедельное издание

РОССИЯ
Издатель, учредитель, редакция:
ООО «Де Агостини», Россия
Юридический адрес: Россия, 105066, г. Москва,
ул. Александра Лукьянова, д. 3, стр. 1
Письма читателей по данному адресу не принимаются.

Генеральный директор: Николаос Скилакис
Главный редактор: Анастасия Жаркова
Старший редактор: Дарья Клинг
Фоторедактор: Дарья Соколова
Финансовый директор: Полина Быстрова
Коммерческий директор: Александр Якутов
Менеджер по маркетингу: Михаил Ткачук
Младший менеджер по продукту: Яна Чухиль

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ru**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в России:
8-800-200-02-01
Телефон «горячей линии» для жителей Москвы:
8-495-660-02-02

Адрес для писем читателей:
Россия, 600001, г. Владимир, а/я 30, «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам».
Пожалуйста, указывайте в письмах свои контактные данные для обратной связи (телефон или e-mail).

Распространение: ООО «Бурда Дистрибьюшен Сервисиз»

Свидетельство о регистрации СМИ в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-47591 от 02.12.2011

УКРАИНА
Издатель и учредитель:
ООО «Де Агостини Паблишинг», Украина
Юридический адрес:
01032, Украина, г. Киев, ул. Саксаганского, 119
Генеральный директор: Екатерина Клименко

Для заказа пропущенных номеров и по всем вопросам о коллекции заходите на сайт **www.deagostini.ua**, по остальным вопросам обращайтесь по телефону бесплатной «горячей линии» в Украине:
0-800-500-8-40

Адрес для писем читателей:
Украина, 01033, г. Киев, а/я «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»
Україна, 01033, м. Київ, а/с «Де Агостіні»

Свидетельство о государственной регистрации печатного СМИ Государственной регистрационной службы Украины КВ № 18402-7202Р от 07.12.2011

БЕЛАРУСЬ
Импортер и дистрибьютор в РБ: ООО «Росчерк», 220037, г. Минск, ул. Авангардная, 48а, литер 8/к
Тел./факс: +375 (17) 331-94-41

Телефон «горячей линии» в РБ (9:00—21:00 по будням):
+ 375 (17) 279-87-87

Адрес для писем читателей:
Республика Беларусь, 220040, г. Минск, а/я 224, ООО «Росчерк», «Де Агостини», «Православные храмы. Путешествие по святым местам»

КАЗАХСТАН
Распространение: ТОО «КГП «Бурда-Алатау Пресс»

Рекомендуемая розничная цена: 79 руб.
Розничная цена: 14,90 грн, 19 900 бел. руб., 290 тенге

Издатель оставляет за собой право увеличить розничную цену выпусков. Издатель оставляет за собой право изменять последовательность номеров и их содержание.

Отпечатано в типографии: ОАО «Полиграфический комплекс "Пушкинская площадь"», 109548, Россия, г. Москва, ул. Шоссейная, 4Д

Тираж: 55 600 экз.

© ООО «Де Агостини», 2012—2015

Текст: Ксения Толоконникова

ISSN 2304-0068

Дата выхода в России: 17.02.2015

Иллюстрации предоставлены:
Передняя обложка: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 3: (центр) © РИА Новости, (низ) © Сергей Коньков/Интерпресс/Фото ИТАР-ТАСС; 4: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 5: (верх) © Руслан Кривобок/РИА Новости, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 6/7: (на развороте) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 7: (обе) © Fine Art/Russian Look; 8: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 9: © РИА Новости; 10: (верх) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ, лев.) © Г. Капустянский/РИА Новости, (низ, центр) © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 10/11: (на развороте) © Владимир Фаевцов/Фотобанк Лори; 11: (лев.) © Петров/РИА Новости, (прав.) © Николай Науменков, Михаил Блохин/Фото ИТАР-ТАСС; 12/13: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 14: (лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (прав.) Юрий Кобзев/Фотобанк Лори; 15/22: (все) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 23: (верх, лев.) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (верх, прав.) © Caro Photoagency/Фотобанк Лори, (низ) © Виктор Филиппович Погонцев/Фотобанк Лори; 24: (обе) © Fine Art/Russian Look; 25: © К. А. Толоконникова, частный фотоархив, Москва; 26: (обе) © Fine Art/Russian Look; 26/27: (на развороте) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 28: (центр) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини», (низ) © Руслан Кривобок/РИА Новости; 29: (верх) © Юрий Кобзев/Фотобанк Лори, (центр) © Владимир Макеев/Фотобанк Лори, (низ) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 30: © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини»; 31: (верх) © С. А. Рубис, (низ, обе) © Ксения Толоконникова/ООО «Де Агостини».

Уважаемые читатели! Для вашего удобства рекомендуем приобретать выпуски в одном и том же киоске и заранее сообщать продавцу о вашем желании покупать следующие выпуски коллекции.

«Стояли стогны озерами...»

7 ноября 1824 года Петербург в прямом смысле слова утонул. Улицы его оказались под толщей воды в два человеческих роста. Незатопленными остались только Каретная, Рождественская и Литейная части.

Спустя несколько месяцев после того, как в Гомеле совершилось торжественное освящение многолетне строившегося Петропавловского храма, в Петербурге произошло самое разрушительное наводнение за всю его историю. Гомельские обыватели узнали о нем из газет и, посудачив, забыли. Столице же, осиротевшей по меньшей мере на тысячу своих жителей и претерпевшей ущерба на миллионы рублей, забыть о том ноябрьском дне 1824 года не пришлось еще долго.

Наводнение 1824 года отразилось не только в газетной хронике того времени. Описание его можно встретить в мемуарах (для многих мемуаристов это наводнение явилось едва ли не самым ярким событием в жизни — по крайней мере, для тех из них, кто не застал пожара Москвы 1812 года) и художественной литературе. В частности, именно оно выступило полноправным действующим лицом в пушкинском «Медном всаднике». А вот оно же глазами А. С. Грибоедова: «Я через смежную квартиру П. побежал и взобрался под самую кровлю, раскрыл все слуховые окна. Ветер сильнейший и в панораме пространное зрелище бедствий. С правой стороны... поперечный рукав на место улицы между Офицерской и Торговой; далее часть площади в виде широкого залива, прямо и слева Офицерская и Английский проспект и множество перекрестков, где водоворот сносил громады мостовых развалин... В самой отдаленности хаос, океан, смутное смешение хлябей, которые отвсюду обтекали видимую часть города. Был третий час пополудни; погода не утихала, но иногда солнце освещало влажное пространство, потом снова повлекалось тучами».

События эпохи

1809 В Гомеле заложен храм во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. М. М. Сперанский составляет «Введение к уложению государственных законов».

1810 Учрежден Государственный совет — высший законосовещательный орган Российской империи.

1812 Вторжение наполеоновской армии в Россию.

1813 Начало заграничного похода русской армии. Смерть М. И. Кутузова.

1814 Русские войска в Париже. Франция по условиям мирного договора возвращается в границы 1792 года. Начало Венского конгресса.

1815 Завершается Венский конгресс. После перерыва, вызванного войной, в Гомеле возобновляется строительство Петропавловского храма.

1818 Эдуард, герцог Кентский, становится отцом. Его дочь Виктория будет «самым продолжительным» британским монархом, проведя на троне 63 года и 7 месяцев.

1821 Смерть Наполеона на острове Святой Елены.

1824 Освящение гомельского Петропавловского храма. Наводнение в Санкт-Петербурге.

▲ *Наводнение 1824 года. Медный всадник тоже присутствует.*

► *Современная наводнению отметка уровня воды в одной из линий Васильевского острова. На немецком — потому что в ту пору значительную часть василеостровцев составляли именно немцы.*

«Сим исполнив свой обет...»

Петропавловский собор строился довольно долго: от составления проекта до освящения прошло шестнадцать лет — весьма бурных в истории России.

◀ *Постройкой храма во имя апостолов Петра и Павла Н. П. Румянцев желал почтить память своего отца — Петра Александровича Румянцева-Задунайского.*

В прошлых наших журналах мы уже уделяли несколько внимания судьбам православия в белорусских землях. По всей вероятности, не обойдется без этого и в последующих выпусках, поэтому теперь мы позволим себе, не отвлекаясь на исторические экскурсы, неизбежные в случае с храмами сравнительно более древними, чем герой нашего сегодняшнего рассказа, приступить прямо к делу. К истории создания гомельского Петропавловского собора.

Его возведением Гомель обязан графу Николаю Петровичу Румянцеву, унаследовавшему местечко от своего отца П. А. Румянцева и желавшему почтить память родителя. Гомель обязан ему и многим другим (как говорится о том в издании «Город Гомель Могилевской губернии» (1911), «он отдал Гомелю свои последние годы, силу, энергию и состояние... Застав Гомель соломенным, он оставил половину его каменной»), и мы еще не раз будем иметь возможность убедиться в этом.

Итак, 24 марта 1808 года Н. П. Румянцев обратился к архиепископу Могилевскому Варлааму (Шишацкому) с письмом, где излагал свое намерение устроить в Гомеле, подле собственного дворца, каменный храм во

Бюст Н. П. Румянцева, установленный в вестибюле Российской государственной библиотеки. Если читатель не помнит, что делает здесь этот бюст, отсылаем его на двадцать страниц вперед.

имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. К письму прилагался проект здания, составленный архитектором Джоном Кларком. 18 октября 1809 года протоиерей Иоанн Григорович «с гомельским и посторониим священством» торжественно заложил храм, но строительство, однако, шло не быстро. Началась война, нанесшая удар и по Гомелю, и по здоровью графа Румянцева (будучи убежденным франкофилом, он крайне тяжело переживал «измену» Наполеона). Словом, возобновились строительные работы лишь в 1815 году.

«Докончить чистою прочною отделкою...»

В начале 1815 года был заключен контракт с купцом Новозыбковского повета Василием Петуховым, обязавшимся «строющуюся поныне в местечке Гомеле каменную церковь с колокольнею... каменною работой по назначенному плану и по указанию архитектора Кларка докончить чистою прочною отделкою». Из этого же документа мы узнаем, что первоначальный план подвергся некоторому изменению: «Контракт на отстройку церкви заключен с уменьшением прежней цены осьми сот рублей потому, что по новому плану колокольня немного ниже».

Главный вход в Петропавловский собор.

Кирпич, необходимый для постройки, изготавливали на особо для того устроенном графской экономией заводе — «на Ипути подле Пахомова монастыря, откуда удобно доставлять кирпич в Гомель водой». А доставлять подрядился крестьянин Трифон Кожемякин.

«Благолепно украшена...»

К 1816 году каменщики окончили кладку стен. Вскоре здание покрыли листовым железом, а в 1818 году уже стало возможно приступить к внутренней отделке храма. Ей граф придавал особое значение, что, в частности, выразилось в отправке в Москву архитектора И. Дьячкова, снабженного следующим поручением: «Во время пребывания твоего в Москве старайся снять несколько рисунков с иконостасов в натуре и достать таковых от архитектора. Эти рисунки должны быть из числа богатых, посредственных и простых в резьбе и позолоте, но все в хорошем новейшем вкусе».

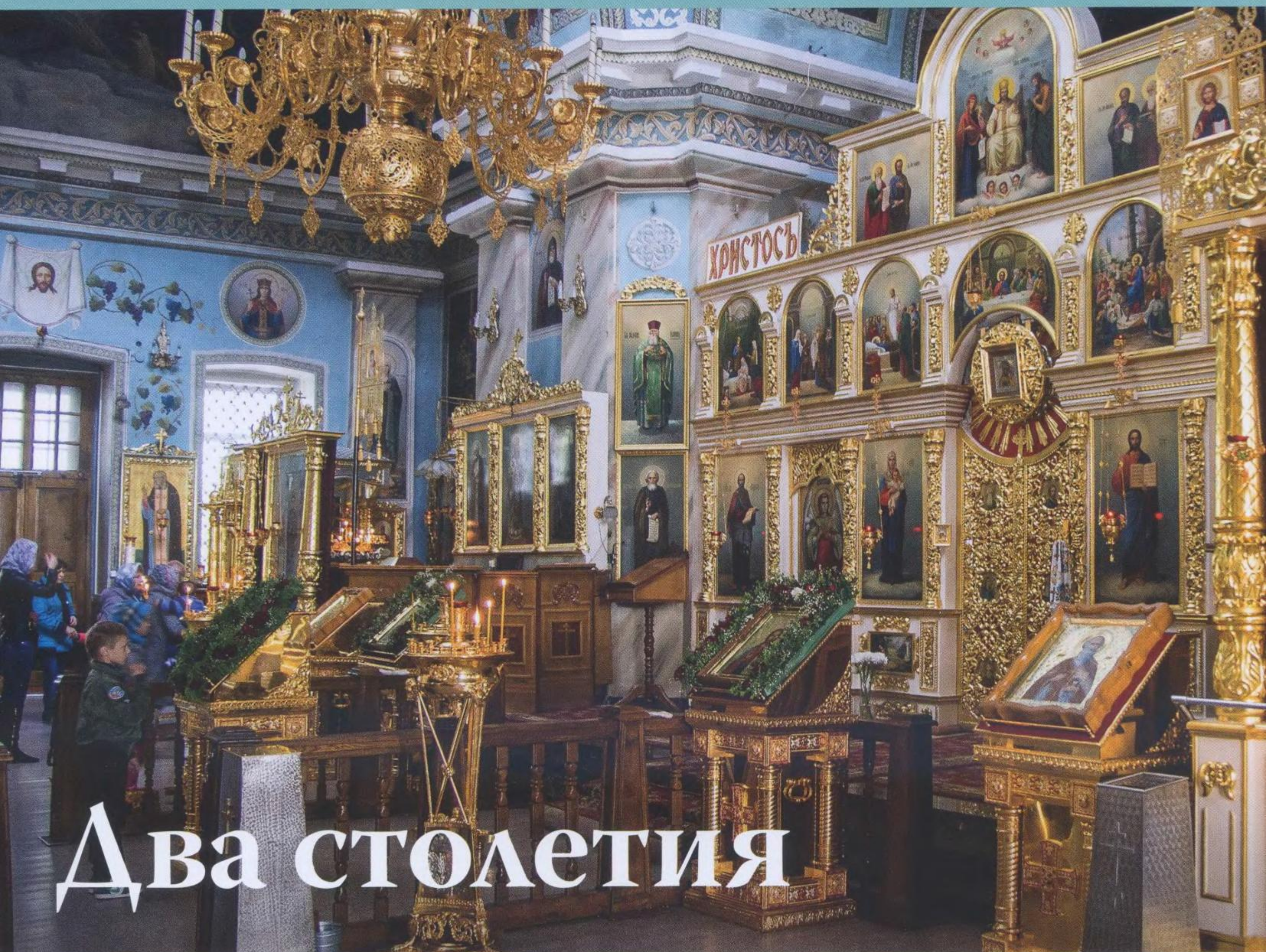
Отделка длилась несколько лет. Для устройства иконостаса граф пожертвовал образа и колонны дорического ордера. Он же взял на себя задачу снабдить новый храм всей необходимой утварью. 26 марта 1824 года Румянцев писал архиепископу Могилевскому Иоасафу (Сретенскому), что церковь полностью готова к освящению — «благолепно украшена и снабдена священными сосудами, облачением и прочею нужною утварью». «Сим исполнив свой обет, — прибавлял он, — я удовлетворяю лучшему желанию своего сердца».

9 мая 1824 года, на Николу вешнего, протоиерей Иоанн Григорович (сын того Иоанна Григоровича, который участвовал в закладке храма) освятил новопостроенную Петропавловскую церковь.

Воспитанник графа

Протоиерей Иоанн Григорович (1792—1852) многим был обязан Н. П. Румянцеву. Он познакомился с графом, будучи молодым преподавателем Могилевского духовного училища и гостя на каникулах в доме своего отца. В 1815 году Н. П. Румянцев на свой счет отправил подающего надежды молодого человека в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1819 году Иван Григорович окончил ее со степенью кандидата богословия за сочинение «Опыт о посадниках новгородских, из древних русских летописей», посвященное им, конечно, «его сиятельству государственному канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову, любителю и покровителю наук». Впоследствии о. Иоанн (рукоположен в 1820 году) служил в Петропавловском храме Гомеля, а с 1838 года — в домовом храме Аничкова дворца, где в то время имело пребывание императорское семейство, покинувшее Зимний после пожара 1837 года. Научные интересы о. Иоанна сосредоточивались в области истории Западного края — как церковной, так и светской.

▲ *В Петропавловском соборе многое изменилось с тех пор, когда здесь погребли тело его основателя.*

Два столетия

Появившись на свет в XIX столетии, Петропавловский собор благополучно пережил его, а вот XX век поставил самое существование храма под вопрос. Несколько десятков лет он служил вместилищем для маятника Фуко.

Прошло менее двух лет с момента освящения Петропавловского храма до того дня, когда в нем упокоился прах его основателя: граф Н. П. Румянцев умер 3 марта 1826 года в Петербурге, но, согласно его завещанию, тело перевезли в Гомель и погребли в северной части храма. Отпевание совершал уже знакомый нам протоиерей Иоанн Григорович, обратившийся к собравшимся с трогательным словом, в котором напомнил о заслугах почившего.

В уже цитированном нами «Городе Гомеле» находим такое описание надгробия Румянцева (теперь приходится довольствоваться только описанием, так как большую часть того, что было так или иначе связано с графом, большевики потрудились уничтожить): «За простой решеткой над его могилой братом покойного (Сергеем Петровичем Румянцевым, унаследовавшим имение. — *Прим. ред.*) поставлен памятник работы итальянского ваятеля Кановы: пьедестал из черного мрамора и на нем бюст Румянцева из меди. Подле постамента бронзовое изваяние — богиня мира с масличной ветвью и жезлом в руках, попирающая ногами змею — злобу врагов. Эта статуя напоминает мирные трактаты: Абосский 1743 г., заключенный дедом Румянцевых

Александром, Кайнарджийский 1774 г., заключенный Петром Александровичем Румнцевым, и Фридрихсгамский, подписанный Николаем Петровичем в 1809 г. На постаменте надпись: „Воздал Божия Богови, Кесарева Кесареви, Отечеству любовию и жертвами". Перед памятником в ларце серебряный венок, возложенный от Московского Архива министерства иностранных дел. На стенах возле могилы копии: „Святое семейство" Корреджио и „Мадонна" Рафаеля».

Новые владельцы

Как уже сказано выше, имение Николая Петровича Румянцева унаследовал его брат. Он заложил его, согласно воле покойного, в казну, а в 1831 году умер. Род Румянцевых пресекся.

В 1837 году бывшее имение Румянцевых купил герой нового времени — фельдмаршал И. Ф. Паскевич-Эриванский (1782—1856). В тогдашней аристократической среде о нем часто злословили как о *parvenu*, не обремененном сколько-нибудь почтенной родословной. Это отчасти и было так: Паскевичи вели свой род от казака Пасько, старшины в войске Богдана Хмельницкого. Тем не менее Иван Федорович получил недурное образование, с некоторым даже блеском начал военно-придворную карьеру и уже во время русско-турецкой кампании 1806—1812 годов «явил себя неустрашимым и войну понимающим офицером, каковых поболее желать надлежит» (отзыв генерала И. И. Михельсона).

К моменту покупки Гомельского имения Паскевич достиг всех мыслимых высот и как полководец, и как государственный деятель, пользуясь безусловным доверием Николая I. С 1832 года и до своей смерти в 1856 году он был наместником Царства Польского (за усмирение польского восстания 1830—1831 годов император возвел его в княжеское достоинство).

При Паскевиче в Гомельском имении проводились масштабные благоустроительные работы: дворец и парк, несколько запустевшие за годы безвластия, приводили в соответствие со вкусами нового владельца. Петропавловский храм оказался, однако, в стороне от этих работ — он-то, в отличие от владельческой резиденции, содержался в полном порядке, и запустевшим его было никак не назвать.

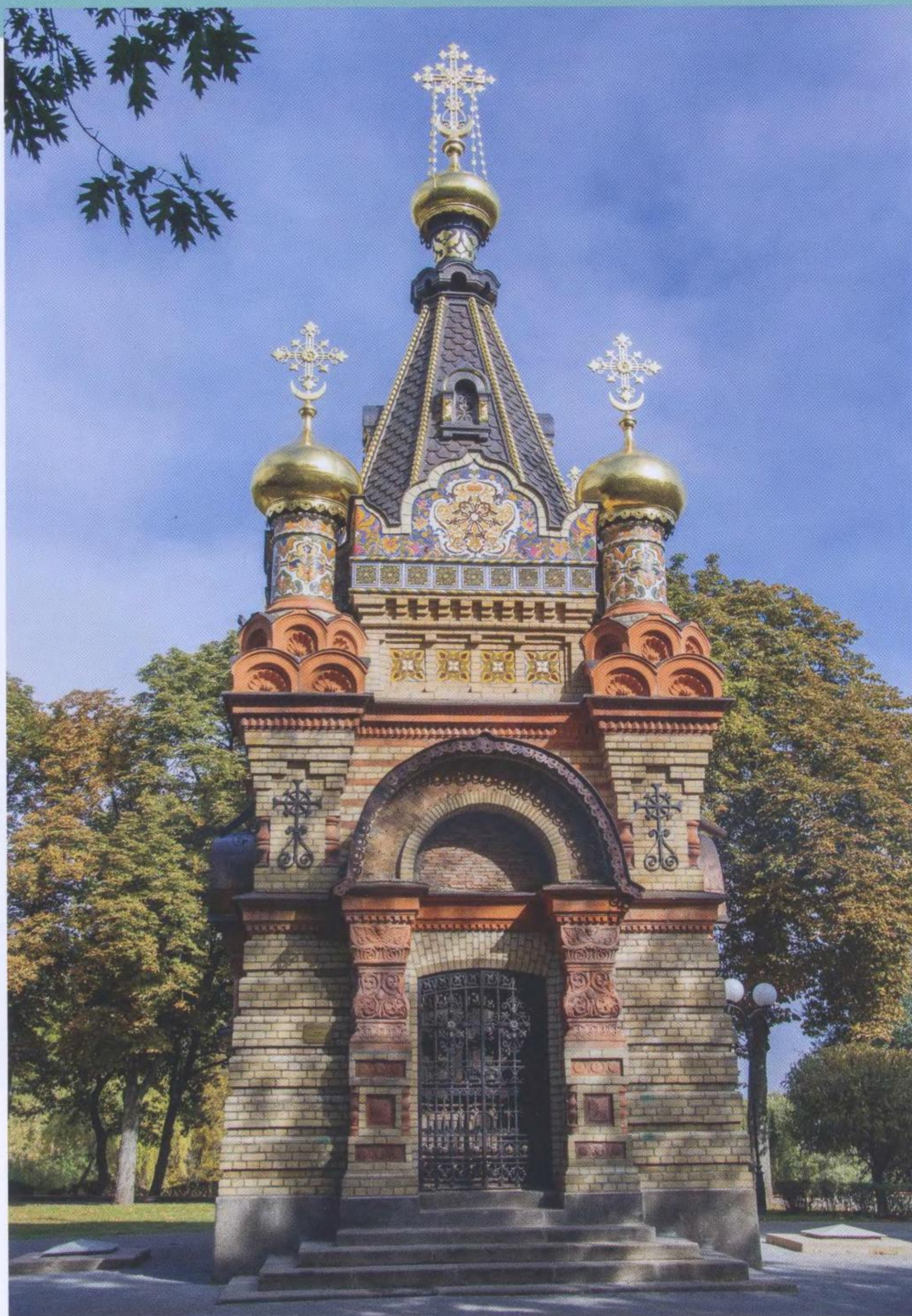
Мало что менялось в храме и при сыне Ивана Федоровича — Федоре Ивановиче, приехавшем в Гомель в 1856 году с молодой женой Ириной Ивановной, урожденной Воронцовой-Дашковой. Изменился его статус — с 1872 года он был утвержден собором. А спустя три года в нем освятили придел во имя святителя Николая, небесного покровителя Н. Ф. Румянцева. Уже этот факт показывает, сколь бережно и в некотором смысле даже трепетно относились Паскевичи к памяти храмоздателя

▲ *«Портрет И. Ф. Паскевича» (1841) кисти неизвестного мастера.*

▲ *В 1837 году Николай I пожаловал И. Ф. Паскевичу, в прибавление к уже приобретенной им части Гомеля, оставшуюся часть местечка с прилегающими землями. А в 1857 году Паскевичи (уже не Иван Федорович, а его сын Федор Иванович) удостоились посещения Александра II. На этой акварели К. К. Пиратского присутствуют оба государя — и Николай Павлович, и Александр Николаевич (еще «в чине» наследника престола).*

▲ *Усыпальница Паскевичей, выстроенная в псевдорусском стиле, находится неподалеку от Петропавловского собора.*

и ко всему «румянцевскому», что сохранялось в Петропавловском — теперь уже — соборе, в 1907 году ставшем, кстати говоря, кафедральным. Отныне в нем служил епископ Гомельский, викарий Могилевской епархии.

Железный век

После революции Петропавловский собор некоторое время оставался действующим. Но бури нового времени не обошли его стороной. Первой «воспитательной мерой», примененной к нему «соввластью», было изъятие ценностей в пользу голодающих. Затем, в 1923 году, с легкой руки ГПУ создалась самостоятельная Гомельская епархия. С той же легкой руки она незамедлительно стала обновленческой, «живоцерковной». Естественно, кафедральный собор оказался в средоточии церковно-политических страстей.

Гений места

Ирине Ивановне Паскевич (1835—1925) суждено было стать добрым гением Гомеля. Брак ее с Ф. И. Паскевичем оказался бездетен, и всю энергию своего сердца, все немалые средства свои она употребила на благотворительность. Она содержала приют для девочек-сирот, богадельню, построила несколько новых школ, глазную лечебницу (настоящей бедой Западного края в ту пору была трахома, люди слепли от нее, без преувеличения, тысячами), выделяла деньги и на содержание других учебных заведений и больниц, а также на строительство водопровода. Не чуждалась Ирина Ивановна и прямых, из рук в руки, благодеяний. Любая бедная девушка, обратившаяся к ней, могла рассчитывать быть оделенной приданым, а число детей, обучавшихся в школах и гимназиях на счет княгини, исчислялось сотнями.

В Гомеле Ирину Ивановну любили, звали «нашей княгинюшкой». Старожилы вспоминали, что, встреть ее на улице случайный человек, ни за что бы не догадался, что — княгиня. Решил бы, что гувернантка: так скромно держала она себя, так безвычурны были ее платья, всегда темные с белыми воротничками. В особенности упростился быт княгини после смерти мужа в 1903 году. А в 1917-м, спустя три дня после прихода к власти большевиков, она передала все свое имущество в распоряжение города и выехала из дворца в скромнейшую квартиру на улице Жандармской (ныне — Карла Маркса). Осталась при ней лишь одна служанка, опекавшая ее одинокую старость. 14 апреля 1925 года И. И. Паскевич скончалась. Погребли ее не в фамильном склепе, а в парке, у стен Петропавловского собора. Увы, в злопамятные 1930-е годы могилу княгини уничтожили.

Совершенно секретно

Доклад о тихоновщине

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ тому назад в основу нашей работы по борьбе с духовенством была поставлена задача «борьба с Тихоновским реакционным духовенством» и, конечно, в первую очередь с высшими иерархами, как то: митрополитами, архиепископами, епископами и т. д.

Для осуществления этой задачи была образована группа, так называемая «ЖИВАЯ ЦЕРКОВЬ», состоящая преимущественно из белых попов, что дало нам возможность поссорить попов с епископами, примерно как солдат с генералами, ибо между белым и черным духовенством существовала вражда еще задолго до того времени, так как последнее имело большое преимущество в церкви и ограждало себя канонами от конкуренции белых попов на высшие иерархические посты. Это обстоятельство нами было учтено и с этого было приступлено к осуществлению означенной задачи.

Наряду с множеством статей, воззваний, речей и пр., в коих клеймилась Тихоновская и монашеско-архиерейская политика и сам Тихон, попы, взяв в свои руки верховную церковную власть, приступили к реальному осуществлению этой задачи, то есть удалению от управления епархиями тихоновских архиереев и замены их лояльными по отношению к Совласти. В первую очередь заменялись архиереи особо реакционного толка.

Эта задача в течение пяти месяцев более чем наполовину выполнена, так, например: к настоящему времени в имеющихся 68 епархиях уволено на покой тихоновских архиереев около 100 человек, назначено в епархию правящими архиереями вдовых и холостых попов 11 человек, плюс к ним неправящими 4 человека, назначено и переведено старых, служивших при Тихоне архиереев, относящихся лояльно к Совласти и церковному обновлению — 10 человек и таких же оставлено правящими в епархиях около 20 человек, находится совершенно без епископов 9 епархий и, наконец, ярых тихоновцев остается незамененными 5 человек. Таким образом, если даже из этих «лояльных» половинную часть отнести к тихоновцам, то получается, что половина тихоновских архиереев заменена обновленцами и полу-обновленцами.

▲ *Рабочие обращают церковную утварь в металлолом. Харьков, 1930 год. Нечто подобное происходило и в Гомеле.*

Окончательно разгромить Тихоновский и полутихоновский епископат и лишить его управления церковью возможно было бы только в том случае, если бы вопреки канонам посвящать женатых попов в епископы и выбрать из них епископов с любыми взглядами, то в этом случае несомненно был бы епископат явно настроен против Тихона и его политики.

По моему мнению, недурно было бы изгнать тихоновцев и из приходских советов, начав эту работу примерно так же, т. е. натравляя одну часть верующих на другую. Осуществить же это возможно путем образования мирянских групп «ревнителей обновленческого движения». Для примера приведу пробу, проделанную Красницким (священник, один из организаторов обновленческого движения, сотрудник ГПУ. — *Прим. ред.*) в Храме Христа Спасителя 28 октября, где после его речи и приглашения записалось в группу обновления 12 человек мирян, указав в списке свои подробные адреса. Правда, эта цифра маленькая, но как проба довольно показательная, т. к. даже в этом храме миряне записались в обновленцы.

По выполнении этой задачи, т. е. когда будет сломлена и дискредитирована тихоновщина, которая до сего времени имеет еще первенствующее значение, отсюда логический вывод, что наступает период паралича единства церкви, что несомненно должно произойти на соборе, т. е. раскол на несколько церковных групп, которые будут стремиться осуществить и проводить в жизнь каждая свою реформу.

Начальник
6-го отделения
Секретного отдела ГПУ:
Е. Тучков
«30» октября 1922 года

▲ *Памятник Ирине Паскевич у стен Петропавловского собора.*

▲ *Никольский монастырь в Гомеле. Церковь свт. Николая в советское время была единственным действующим храмом в городе. И именно сюда передали некоторые иконы и утварь из Петропавловского собора после его закрытия.*

К середине 1925 года новоназначенный епископ Гомельский Тихон (Шарапов), убежденный противник обновленцев, сумел выправить ситуацию: живоцерковники (или, как звали их в народе, «живцы») утратили какое-либо влияние в Гомеле. Местные власти, разумеется, расценили деятельность епископа как контрреволюционную. Он был арестован и выслан из города в административном порядке. С тех пор владыка Тихон не оставался на свободе дольше нескольких месяцев. В последний раз его арестовали в ночь с 18 на 19 августа 1937 года по обвинению в организации «антисоветской монархической террористической организации церковников». Епископ жил тогда в Казахстане, в ссылке, и управлял Алма-Атинской епархией. 10 ноября 1937 года его расстреляли.

С момента ареста и высылки епископа Тихона Гомельская епархия хотя и не прекратила сразу своего существования, однако по-настоящему не управлялась. Собор же Петропавловский тоже хотя и существовал, но «не по-настоящему». В 1935 году его обратили в отдел местного музея, и музейные экспозиции, носившие, по большей части, антирелигиозный характер (впрочем, тогда ведь и маятник Фуко считался почему-то зримым аргументом против христианства), находились в нем до 1941 года, когда, с началом войны, были эвакуированы.

▲ *Бои за Гомель. 1943 год.*

▶ *Преподобномученик Серафим (Шахмуть). Фото 1940-х годов.*

«ЗАХВАТИЛИ ПОД МОЛИТВЕННЫЕ ЦЕЛИ»

В пору немецкой оккупации (и под давлением оккупационных властей), в 1942 году, на территории Белоруссии была организована так называемая «Белорусская Православная Автокефальная Церковь», а в ее составе — возобновлена Гомельская епархия. Функционирование этой умышленной церковно-территориальной единицы отладиться так и не успело. Приближался фронт.

Петропавловский собор между тем действовал уже с 1941 года. Слу-

Справка

О Гомельском Петропавловском соборе

Гомельский Петропавловский собор построен в 1750 году (в документе так! — *Прим. ред.*) и является памятником архитектуры. Здание каменное, оштукатуренное с внутренней и внешней стороны. Сохранило свой внешний церковный вид.

В 1935 году собор был закрыт и до начала Великой Отечественной войны использовался под исторический музей. В нем был установлен маятник Фуко.

Наружная часть здания была подвергнута переоборудованию. В передней его части был снят купол и колокольня.

Основной купол собора переоборудованию не подвергался в силу необходимой высоты для маятника Фуко. В верху купола было сделано крепление для закрепления троса маятника Фуко. На переоборудование были израсходованы в значительных размерах государственные средства.

В период временной немецкой оккупации г. Гомеля все научные экспонаты и оборудование было разграблено, и в конце 1941 года здание было захвачено верующими для использование под молитвенные цели.

Религиозным обществом была надстроена небольшая колокольня, а с внутренней стороны было надстроено небольшое возвышение для креста.

В течение 1949—1951 гг. религиозным обществом был произведен капитальный ремонт здания собора: снаружи отремонтирована и в значительной части перекрыта и окрашена железная кровля, отремонтирована штукатурка стен и произведена окраска фасада. Внутри отремонтирована штукатурка стен и сводов и произведена масляная окраска всех внутренних поверхностей.

Отмыта и восстановлена художественная живопись на стенах и фронтонах внутри здания. Восстановлено в прежнем виде центральное калориферное отопление и другие мелкие ремонты.

Уполномоченный Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР по Гомельской области /Потапов/ 3/VI 1960 г.

Маятник Фуко в Исаакиевском соборе тогдашнего Ленинграда. 1978 год.

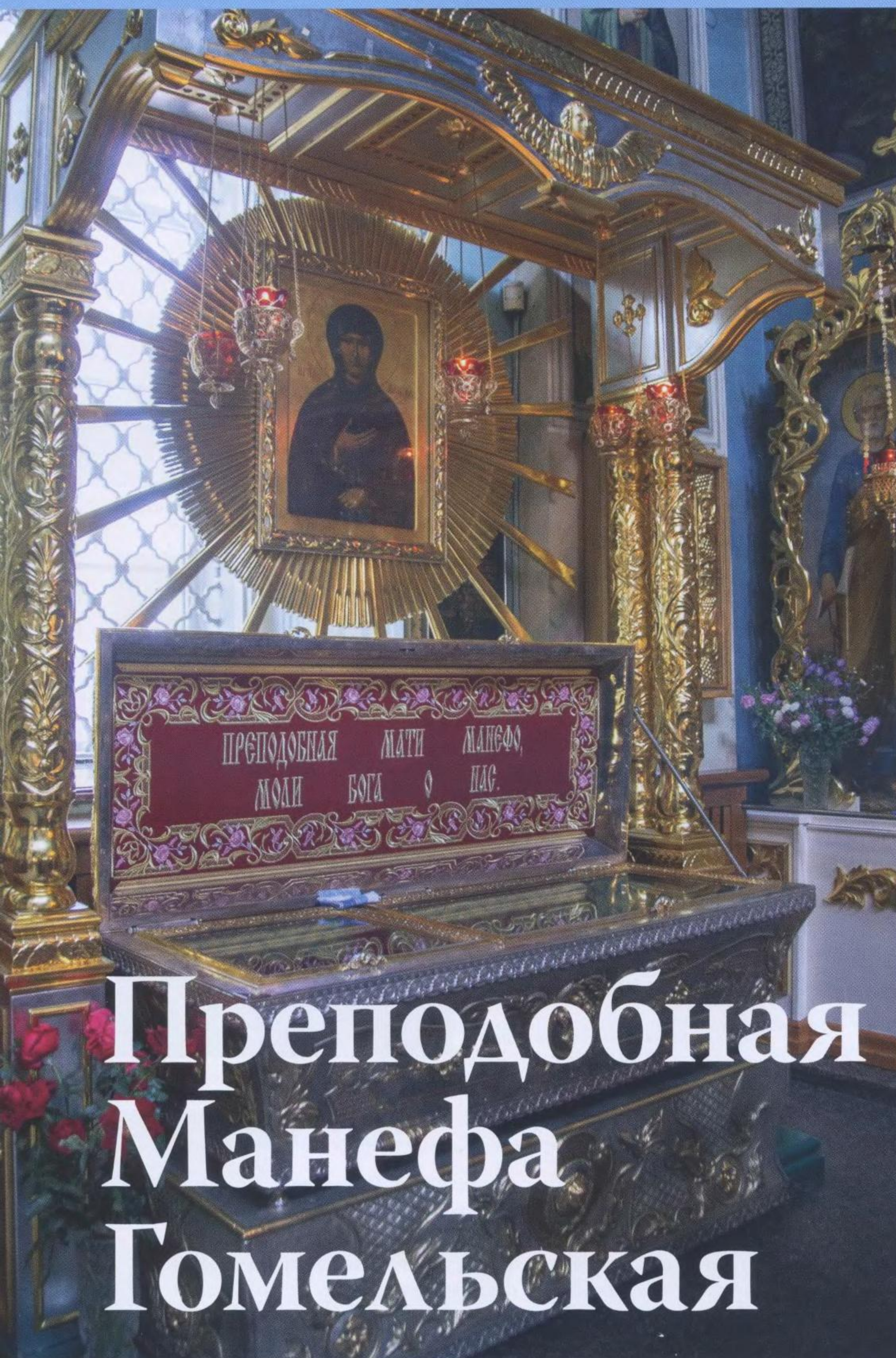

Никита Хрущев на даче. 1957 год.

жил в нем в годы войны преподобномученик архимандрит Серафим (Шахмуть), арестованный в 1944 году за «пособничество немецким оккупантам». Почти год его продержали под следствием, не добившись ровным счетом никаких признаний «в связях с немецкими контрразведывательными органами», а затем дали пять лет лагерей. В лагере он и скончался в 1946 году — по официальной версии, от сердечной недостаточности.

Что касается Петропавловского собора, то храм, отремонтированный усилиями верующих и даже надстроенный небольшой колокольней (прежнюю уничтожили еще в 1930-е), «не трогали» до 1960 года, то есть до того момента, когда хрущевская антирелигиозная кампания достигла своего апогея. Согласно решению областного совета депутатов № 444 от 9 июня 1960 года, гомельский собор следовало изъять у «захватившей его под молитвенные цели» общины и переделать «под планетарий и маятник Фуко». Последнюю литургию в Петропавловском храме отслужили 30 октября 1960 года. Утварь и некоторые иконы из него передали единственной действующей гомельской церкви — Никольской.

После закрытия собора прихожане не раз обращались к властям с просьбами о его возвращении, но вопль их оставался тщетным вплоть до 1989 года, хотя планетарий, таки открытый в храме в 1962 году, в 1985-м уже прекратил свое существование, а храмовое здание, будучи, по существу, брошенным, постепенно приходило в негодность.

Преподобная Манефа Гомельская

В северной части собора находится рака с мощами местночтимой гомельской святой — преподобной Манефы. В свое время именно она уверяла сомневающихся, что Петропавловский собор непременно вернут Церкви.

В Петропавловском соборе почивают мощи преподобной Манефы Гомельской. Над ракой — ее икона.

До большевистского разорения Петропавловского собора главной святыней его был ковчег с частицей мощей святителя Николая, завещанный храму его основателем, графом Румянцевым. В алтаре хранилась грамота, писанная на пергаменте: «Благоговея к Всевышнему, Государственный Канцлер Граф Румянцев приносит в достояние Гомельской соборной церкви во имя Верховных Апостолов Петра и Павла, иждивением его устроенной, часть мощей Святителя и Чудотворца Николая в ковчеге перламутровом, который оправлен золотом, также части мощей разных святых православной Греческой и Российской церкви, в двух сребропозлащенных киотах. Считая со своей стороны нужным, до кого сие касается, удостоверить, что мощи Св. Николая приобретены графом Румянцевым от княгини Елизаветы Захарьевны Кантакузеной, известной по знаменитости рода своего и благочестивой жизни, а другие достались ему в наследство, он желает, чтобы сия святыня, посвящаемая им храму Божию, оставалась в оном неотъемлемо и в настоящем своем виде на вечные времена. В уверение сего подписом руки своей с приложением печати свидетельствует. Граф Николай Румянцев. В Гомеле, 1825 г. марта 17 дня».

В 1825 году невозможно было, конечно, представить себе, что придут времена, когда воля графа о «неотъемлемом» пребывании святыни в храме окажется нарушенной. Однако такие времена пришли, и ковчег с частицей мощей свт. Николая, а равно и два «сребропозлащенных

киота» с частями мощей других святых, бесследно пропали. Толком не известно даже, когда это случилось — при изъятии ли из храма ценностей или при его закрытии.

«Матушка утешила...»

В теперешнее время особенным почитанием верующих окружена в Петропавловском соборе рака с мощами местночтимой святой — Манефы Гомельской (1918—1984). Эта схимонахиня, калека с рождения, не могла ходить и нуждалась в помощи и попечении других людей, но при этом сама подавала помощь многим. Молитвенница и прозорливица, она принимала всех приходивших к ней ласково, с искренностью христианской любви и еще в «глубокосоветскую» эпоху с убежденностью говорила о том, что настанет время, когда гомельский Петропавловский собор откроется и откроются другие храмы.

▲ *Образ Божией Матери «Взыскание погибших» в Петропавловском соборе.*

О св. Манефе в Гомеле помнят многие. Кто-то встречался с нею лично, кто-то с готовностью перескажет рассказанное о ней родными или знакомыми. Некоторые свидетельства записаны. Вот отрывок из воспоминаний о матушке Манефе недавно почившего протоиерея Михаила Мандрика, очень характерный:

«Схимонахиню Манефу я знал как глубоко верующую, усердно исполнявшую монашеское молитвенное правило и ревностно служившую людям в их нуждах. Однажды со мной произошел неприятный случай. Вызвал меня к себе уполномоченный по делам религии Потапов, так как хотел наказать меня отнятием справки о регистрации священника за якобы нарушенное советское законодательство. Мне вменялось в вину, что я покрестил ребенка без согласия обоих родителей, как того требовал закон. Было предъявлено заявление отца ребенка, которое служило основанием данного расследования. От меня уполномоченный потребовал справку о регистрации и написал последнее предупреждение, так как предыдущее было за засев церковного участка зерном, что тоже не положено было делать. „Завтра, — сказал он, — явишься ко мне с казначеем и бухгалтером своего прихода“. Домой я возвращался весьма удрученным и по пути заехал к схимонахине Манефе в Севруки, просить ее молитв о разрешении данного конфликта. Матушка утешила и посоветовала помолиться Божией Матери, почитать акафист „Скоропослушнице“, что я и сделал по возвращении домой. На следующий день в полном составе мы были в Гомельском облисполкоме и предъявили справку о регистрации крещения, а также сказали, что у нас имеется письменное согласие на данное крещение обоих родителей. Уполномоченный вскричал: „Врете, отец ребенка коммунист, и я ему верю. Вот его заявление“. Мы предъявили расписку, он сравнил подписи и убедился в их подлинности. Я сказал: „Вот честность ваших коммунистов“. Уполномоченный побагровел, вскочил и убежал в коридор. Вернувшись, он закурил и на мой вопрос, как быть с последним предупреждением, опять перешел на крик: „Замолчи, фанатик, и убирайся вон!“ Возвращаясь, домой, я чувствовал, что Бог помог мне грешному через матушку Манефу. „Спаси ее, Господи!“ — молился я».

▲ *Кроме образа «Взыскание погибших», в гомельском соборе есть многие другие иконы Пресвятой Богородицы. Питерцы, например, узнают икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость с грошиками».*

Прославление схимонахини Манефы в лике преподобных состоялось в Петропавловском соборе 11 августа 2007 года. Мощи ее перенесли в собор с сельского кладбища, где она была погребена. В соборе же сейчас находится и особенно любимая матушкой икона Божией Матери «Взыскание погибших», с которой она не расставалась всю жизнь.

Замечательная гармония частей

Замысливая строительство Петропавловского храма, граф Николай Румянцев вдохновлялся самыми высокими образцами классического стиля — соборами святого Павла в Лондоне и Казанским в Петербурге (а через него и римским собором святого Петра), а также парижской церковью святой Женевьевы (Пантеоном). Очевидно, что прямо воспроизвести в Гомеле Казанский собор не представлялось возможным. И дело даже не столько в средствах, в которых Румянцев был не слишком ограничен, сколько в неуместности подобной постройки в местечке, тогда «соломенном». Однако понимать, в каком направлении, в русле какой эстетики мыслил граф, необходимо.

И, конечно, Петропавловский храм, будучи умален и «усмирен» сравнительно со своими великолепными прототипами, все-таки выделялся на фоне «Гомеля вообще» (хотя Румянцев предпринимал довольно серьезные шаги и в смысле обустройства города, но усилиями и на протяжении жизни одного человека городского ландшафта не изменить). Впрочем, так и должно дому Божьему. Выделяться на фоне.

В начале XX века о соборе писали так: «Из всех гомельских храмов по своему архитектурному стилю и внутреннему украшению выделяется собор. На нем лежит печать мысли и вкуса Н. П. Румянцева. При всей своей простоте, храм отличается замечательной гармонией частей. В основании храма лежит четырехконечный крест; снаружи четыре портика с колоннами дорического стиля. Храм венчается величавым куполом».

Всю эту «замечательную гармонию частей» мы можем наблюдать и сейчас. Однако некоторые перемены в облике собора все-таки произошли. При постройке он имел довольно

◀ *С повышением колокольни на один ярус западный фасад Петропавловского собора приобрел однозначность.*

Снаружи

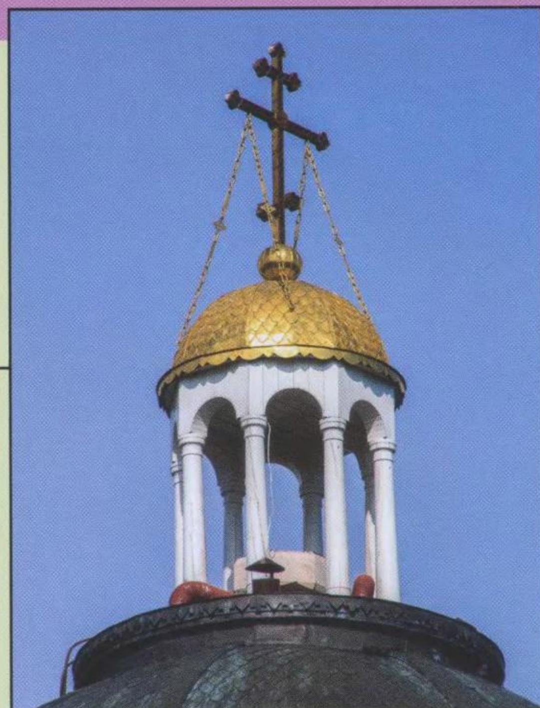

▲ *Пантеон на старой открытке.*

невысокую, почти вровень с куполом, колокольню. Такой ее решили сделать уже в процессе строительства, чтобы несколько удешевить и ускорить работы. После закрытия собора колокольню разобрали вовсе (а колокола, конечно, пошли на «нужды индустриализации»). В августе 1991 года началось возведение новой колокольни. Теперь ее спроектировали на один ярус выше — то есть примерно такой, какой она должна была быть согласно первоначальному плану Кларка. К весне 1992 года постройку окончили, и Петропавловский собор приобрел свой настоящий вид.

Обзорная площадка

Фонарик

Купол Петропавловского собора увенчан декоративным фонариком, имеющим вид открытой ротонды с колоннами дорического ордера. Завершение купола фонариком характерно для многих классических зданий — в частности, для лондонского собора святого Павла.

Отступление

Барабан прорезан «двухчастными» окнами, в оформлении которых архитектор предпочел использовать полуколонны ионического, менее строгого, чем дорический, ордера, как бы искупая этим полное отсутствие какого-либо оформления окон, расположенных по фасадам.

Триглифы

Четыре портика Петропавловского храма имеют ярко выраженные «дорические черты». Это — да, конечно, капители колонн. Но есть тут еще и такие яркие приметы дорического ордера, как триглифы — элементы фриза, имеющие вид плиты, прорезанной вертикальными (треугольными в плане) желобами.

Полуколонны

Портик, оформляющий главный вход в храм, «продолжен» на всю его западную часть полуколоннами дорического ордера.

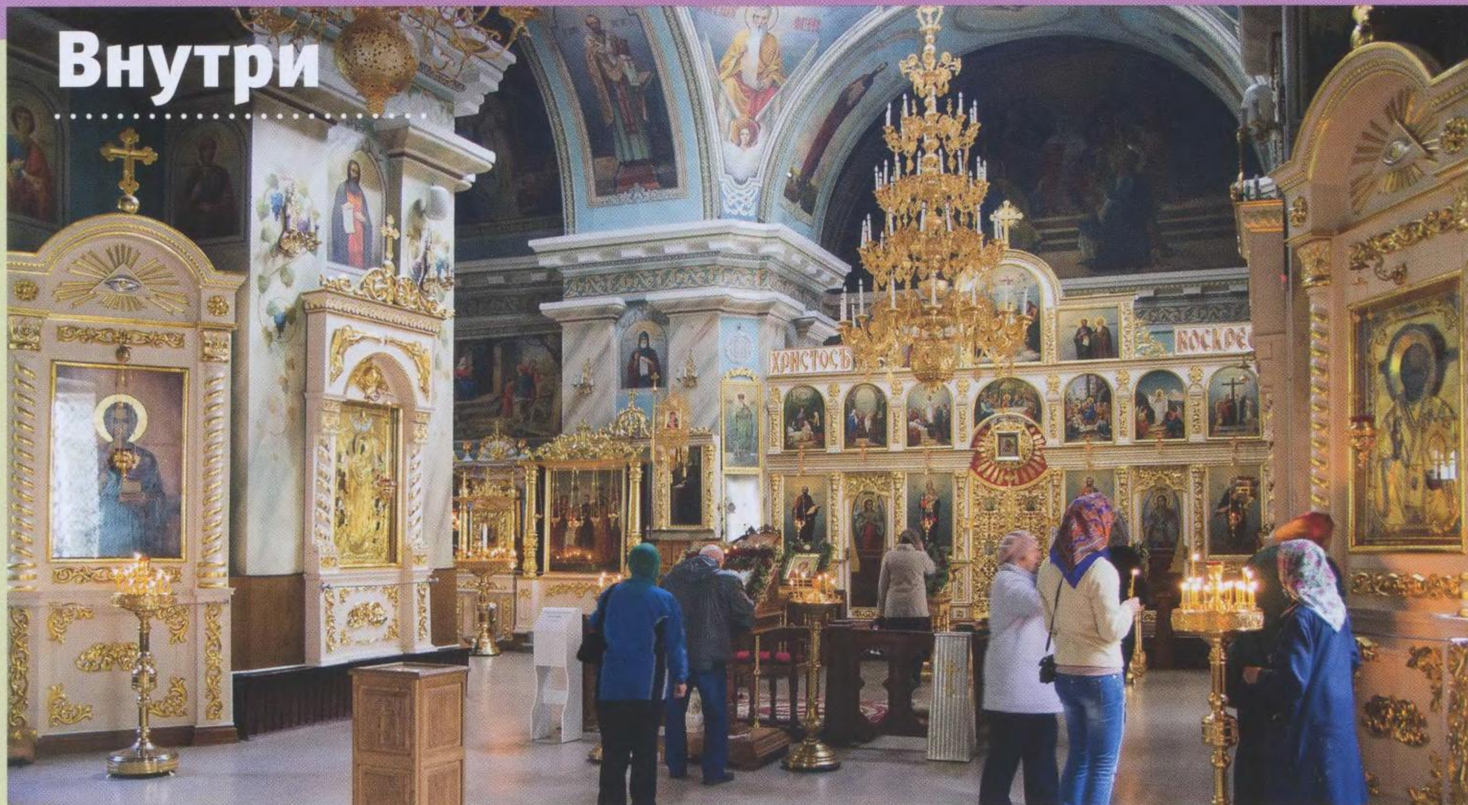
Православные
Храмы
путешествие по святым местам

Петропавловский собор

Гомель

Внутри

▲ *В Петропавловском соборе.*

УСТРОЙСТВО Петропавловского собора «четырехконечным крестом» так же легко читается изнутри, как и снаружи. Входя западными дверями, мы оказываемся как бы в подножии этого креста. Впереди, щедро освещенное большими окнами барабана, — средокрестие, от которого отходят два «рукава», северный и южный. «Верхняя часть» креста отгорожена от нашего взгляда иконостасом.

▲ *Никольский (южный) придел.*

▼ *Нынешний иконостас собора.*

▲ *Обширный купол собора, часто прорезанный окнами, поддерживается четырьмя мощными пилонами.*

К сожалению, первоначальное внутреннее убранство собора, столь тщательно продуманное самим Румянцевым, до наших дней не дошло. К моменту передачи храма верующим даже стекла в окнах сохранились лишь отчасти, не говоря уже обо всем остальном.

Несомненно, прежний иконостас Петропавловского собора, оформленный дорическими колоннами, был больше «к лицу» ему, чем иконостас нынешний, очень скромных художественных достоинств, из коих главное заключено в том, что он невысок — всего три (или даже «два с половиной») яруса. Невысок был и «румянцевский» иконостас. Судить о нем мы можем в большой степени лишь гадательно, однако, видимо, он имел ярко выраженные ампирные черты — благодаря тем самым, уже поминавшимся не единожды, дорическим колоннам.

Имеющиеся ныне в соборе стенные росписи также принадлежат новейшему времени.

Пространство православного храма

ПЛИ́НФА (греч. πλίνθος — плита) — тонкий обожженный кирпич, использовавшийся строителями Византии и Древней Руси. П. А. Раппопорт в «Строительном производстве Древней Руси (X—XIII вв.)» пишет: «Со времени возведения в Киеве первой каменно-кирпичной постройки в конце X в. и вплоть до монгольского вторжения в середине XIII в. кирпичи, применявшиеся на Руси, имели форму тонких и относительно широких плиток. В древнерусских письменных источниках кирпичи называли греческим словом „плинфа“ (варианты — „плинтъ“, „плинфъ“). Этот тип кирпичей проник на Русь из Византии». Ряды плинфы скреплялись толстыми, иногда равными по толщине самой плинфе, слоями раствора, из-за чего стена приобретала «полосатый» вид (надо иметь в виду, что в древности постройки из плинфы почти никогда не штукатурились).

▶ *Плинфяная кладка Спасо-Преображенского собора (XI в.) в Чернигове. Ряды плинфы чередуются с рядами природного камня: распространенный прием в строительной практике Древней Руси.*

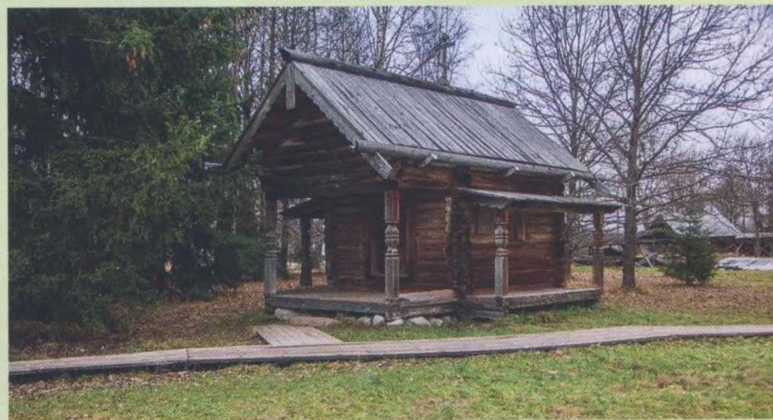

▼ *Завершающийся повалом восьмерик (Иоанно-Златоустовская церковь в селе Саунине под Каргополем).*

ПОВА́Л — в деревянном зодчестве расширенная верхняя часть сруба, служащая основанием для скатной или шатровой крыши. Повал предназначался для предохранения основной части сруба от дождя и снега (и, следовательно, от гниения).

ПОДЗО́Р — декоративный элемент в архитектуре. В деревянном зодчестве — доски с глухой или сквозной резьбой, окаймляющие свесы кровли или (применительно к избе) верхнюю часть сруба, граничащую с чердаком. Подзорами также называют металлические полосы с прорезным узором, служащие тем же декоративным целям, что и деревянные подзоры.

▼ *Украшенная подзорами часовня в Музее народного деревянного зодчества «Витославлицы», что в окрестностях Великого Новгорода.*

Дворцово-парковый ансамбль

Жители Гомеля привыкли гордиться своими главными достопримечательностями — собором Петра и Павла и дворцом Румянцевых-Паскевичей. Стоит вам признаться в своей «неместности», как вас первым делом спросят: «Собор и дворец вы уже видели?» Если не видели — не сознавайтесь, а скорей идите смотреть.

▲ *Лодочник. Так современный скульптор представил себе первого гомельчанина (или — гомиянина, потому как Гомель в годы оны именовался в том числе и Гомием).*

Город Гомель известен из летописей с 1142 года. То есть жизнь он прожил уже долгую и насыщенную событиями. Однако все его памятники, представляющие туристический интерес, явились на свет не ранее XVIII века. И почти все они сосредоточены в границах гомельского дворцово-паркового ансамбля, частью которого является и Петропавловский собор. Самые дотошные, обремененные почерпнутыми из путеводителей сведениями посетители гомельского парка будут искать на его территории следов древнего городища. Но оно, как о том говорится на специфическом музейном жаргоне, сохранилось лишь в виде «элементов естественного и исторического ландшафта». То есть, говоря языком профанным, не сохранилось — по крайней мере, в доступной пониманию простого обывателя форме.

Простому обывателю о древности Гомеля призваны напомнить новейшие артефакты — установленные в парке камни с сообщениями о том, что было здесь много веков назад, а также скульптурная композиция «Лодочник», символически изображающая первого гомельчанина, собирающегося ступить на пустынный берег реки Сож.

▼ *Табличка на одном из камней в парке сообщает: «Это место — исторический центр Гомеля. Тут находился укрепленный детинец (X—XIII вв.) и замок (XIV—XVIII вв.)».*

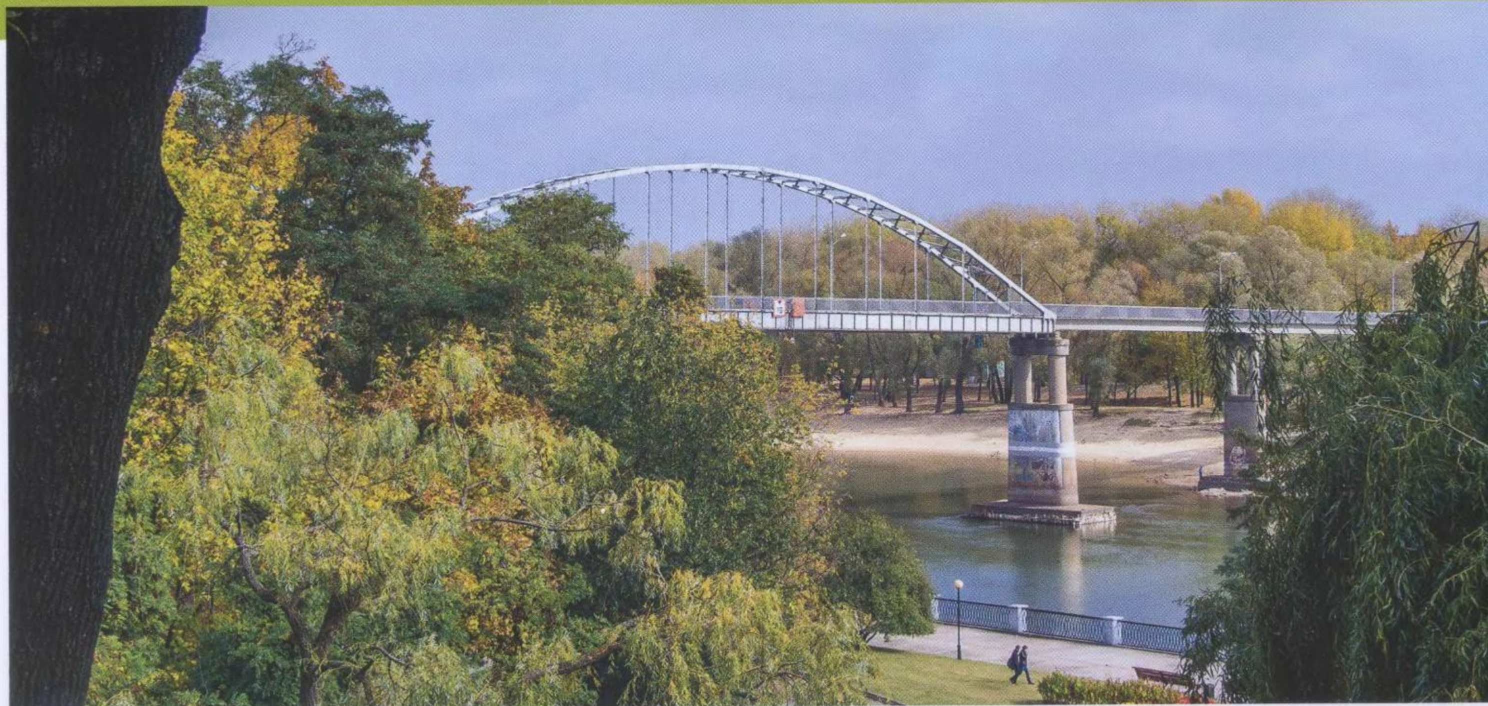

Парк

Площадь гомельского парка составляет в общей сложности 34 гектара. На его территории, разделенной надвое Лебяжьим прудом (все самое интересное — Петропавловский собор, дворец Румянцевых-Паскевичей, усыпальница Паскевичей и т. д. — расположено в южной части), произрастает около пяти тысяч деревьев. Это, по большей части, липы, березы, акации и клены — то есть деревья, характерные для своей местности. Но есть здесь и редкие в умеренных широтах гости, причем весьма древнего и в каком-то смысле благородного происхождения — например, гинкго двулопастный, чей род ботаники возводят к семенным папоротникам, давно вымершим на Земле.

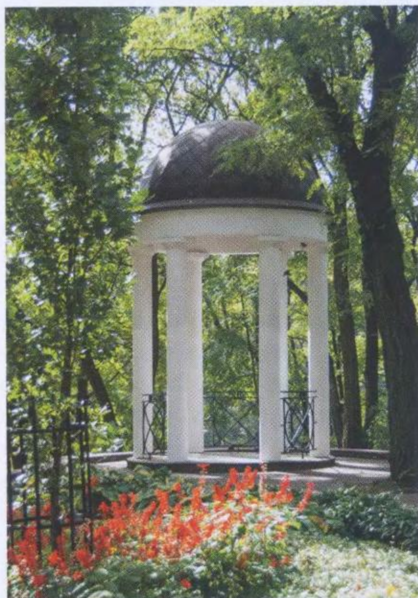
Среди дерев, как местных, так и экзотических, бодро скачут белки. Никакого страха перед человечеством они не испытывают и не только подпускают к себе на непочтительное расстояние, но и сами преследуют двуногих, сбирая дань орехами и прочими беличьими лакомствами.

До того как Гомель стал имением Румянцевых, парка как такового не существовало. Был облагороженный лиственный лес, обозначавший границы усадьбы Чарторыйских и отгораживавший ее от нищих улиц местечка. При Румянцевых, одно-

▲ *Гомельский парк и пешеходный мост через реку Сож.*

▼ *Беседка-ротонда в парке.*

временно с постройкой нового дворца, началось формирование парковой среды. Известно из переписки П. А. Румянцева, что он желал иметь у себя в Гомеле «хорошие виды, разные натуральные украшения, как дубравы и другого дерева лески и рощи, прудки, реки, речки».

Но настоящий свой вид парк получил лишь при Паскевичах. Первоначальными работами, проводившимися с 1845 года, руководил польский архитектор Адам Идзковский, видный представитель позднего классицизма. Он, пользуясь полным доверием И. Ф. Паскевича, взялся за парк всерьез и главной своей задачей видел сбережение и выявление особенностей местности, то есть руководствовался пейзажным принципом, характерным для садово-паркового искусства своего времени.

Паскевич хотел как можно скорее получить «готовый парк». Желание его входило в известное противоречие с законами природы: деревья растут долго. Обходя эти законы, в усадьбу везли не только молодые саженцы, но и вполне взрослые деревья. И спустя несколько лет парк уже кое-что собой представлял. Посетивший его в 1851 году ботаник Э. Ф. Рего писал: «В парке замечательны превосходные хвойные деревья, особенно лиственницы и сибирские кедры. По всей территории парка высадили много экзотических растений, среди которых были гинкго двулопастный, дуб черешчатый гребенчатый, дуб красный. Князь Паскевич самолично привез дуб из Парижа. В парке высажено немало экзотических деревьев: пихта сибирская, орех маньчжурский, клен ясенелистный, рябина плакучая, яблоня Недзведского…»

Революцию и последующую советскую эпоху гомельский парк пережил вполне благополучно. Румянцевские и паскевичские саженцы выросли. Теперь это — могучие тенистые деревья, возраст большинства из них перевалил за полтора столетия. Есть и совсем маститые старцы: два дуба, посаженные при П. А. Румянцеве-Задунайском, уверенно перешагнули двухсотлетний рубеж.

▲ *Местная жительница — белка.*

▼ *Симпатичное одноэтажное здание конца XIX — начала XX веков, приютившееся в парке между Петропавловским собором и обрывом Сожа, сейчас верой и правдой служит Музею народного творчества.*

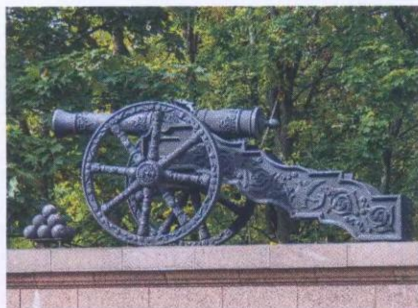

▲ Парковый фасад дворца Румянцевых-Паскевичей. Его фронтон был перестроен Идзковским, чтобы несколько «сгармонизировать» основное здание с башней Паскевича.

Дворец Румянцевых-Паскевичей

В 1772 году, при первом разделе Речи Посполитой, Гомель вошел в состав Российской империи и был конфискован у канцлера Ф. М. Чарторыйского, владевшего местечком с 1730-х годов, в государственную казну. В 1775 году Екатерина II пожаловала гомельское староство графу Петру Александровичу Румянцеву — а в придачу и денег на строительство новой гомельской резиденции для графа. Спустя два года были готовы первые проекты.

▲ Пушка, установленная рядом с дворцом, напоминает о славных баталиях, в которых довелось играть не последние роли представителям обоих «владельческих родов».

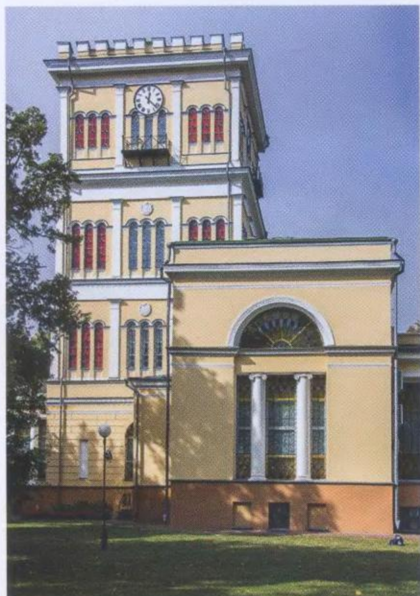
В 1785 году началось возведение дворца на месте деревянного замка Чарторыйского. К сожалению, архитектор, составивший его проект, «предпочел остаться неизвестным». Но в ряду претендентов на авторство имена обнаруживаются очень звучные — И. Е. Старов, строитель Троицкого собора Александро-Невской Лавры, и Ю. М. Фельтен, которому Петербург обязан множеством гражданских зданий и храмов — в том числе знаменитой Чесменской церковью.

К 1794 году строительные работы завершились, и граф получил в свое распоряжение прекрасный образец раннего русского палладианства: двухэтажное, на высоком цоколе, здание, центром которого являлся бельведер, перекрытый куполом. Внешний декор был умеренным — пилястры в простенках между высоких окон и два портика коринфского ордера, четырехколонный парадный и шестиколонный парковый. Цокольный этаж предназначался для подсобных помещений и прислуги, в первом этаже находились парадные покои, во втором — жилые комнаты.

Первую реконструкцию дворца предпринял уже сын его первого владельца, граф Н. П. Румянцев, — руками приглашенного им Джона Кларка (он же, как помним, спроектировал и Петропавловский собор). При Николае Петровиче главное здание дворца соединилось с двумя флигелями посредством галерей, оформленных колоннами ионического ордера.

Теперь мы застаем дворец таким, каким он стал при И. Ф. Паскевиче. Работами, производимыми в 1837—1851 годах, руководил Адам Идзковский. Главное приобретение этого времени — башня высотой 32 метра, возведенная на месте разобранного до основания южного флигеля (северный флигель при этом остался, хотя и лишился своих ионических

портиков). Эта постройка, не вполне соответствующая общему стилю дворцового ансамбля, придает ему тем не менее особое своеобразие. Мыслилась она как личное пространство Паскевича. Здесь он разместил свои коллекции, библиотеку. Изменился и парковый фасад двор-

▲ Башня, построенная как личные апартаменты И. Ф. Паскевича.

ца: Идзковский пристроил к нему веранду.

После революции дворец поступил в распоряжение «молодого советского государства». Последняя его владелица, Ирина Паскевич, рассталась с ним, как помним, добровольно и вряд ли, в силу особенностей своего умонастроения, слишком сожалела о нем.

В 1919 году дворец сильно пострадал во время антибольшевистского восстания, названного в советской историографии «стрекопытовским мятежом» (по имени руководителя восстания штабс-капитана В. В. Стрекопытова). Многочисленные раны нанесла ему и Великая Отечественная война. В полной мере реставрационные работы завершились лишь к 1960-м годам, и дворец поделили между собой музей и дом пионеров. Во второй половине 1990-х здание стало полностью музейным.

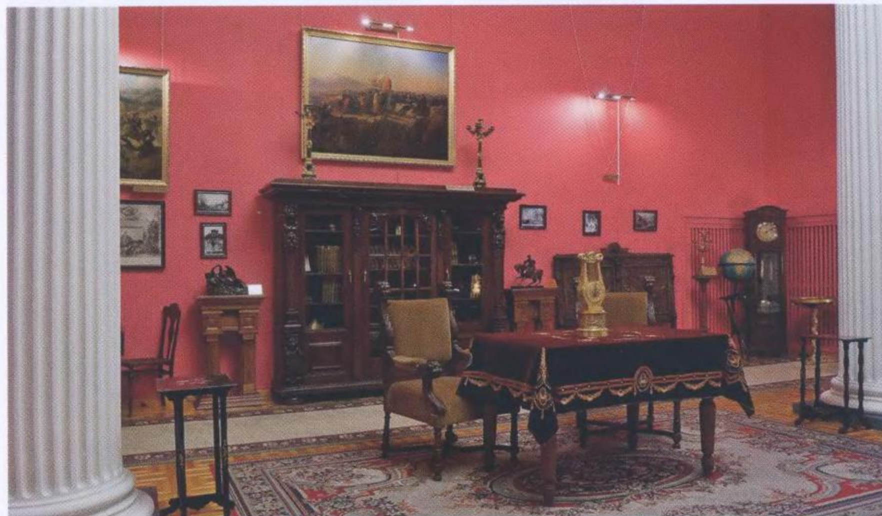
Сейчас в первом этаже дворца восстановлены, насколько это было возможно, парадные исторические интерьеры (отчасти — при помощи экспонатов, конфискованных в свое время у Паскевичей). Центр ансамбля — колонный зал (шестнадцать колонн коринфского ордера), укрытый куполом. Нельзя даже сказать, что он находится на первом этаже, поскольку высота его равна высоте здания. Зала оформлена аллегоричекими скульптурами работы современного белорусского скульптора Владимира Слободчикова, представляющими четыре времени года, а также бюстами владельцев дворца — П. А. Румянцева-Задунайского и И. Ф. Паскевича. Из колонного зала открываются анфилады парадных покоев. Среди них особенно интересны два — Белая и Красная гостиные.

Белая гостиная, будучи третьим по величине помещением дворца (второе — Золотая столовая), являлась как бы парадными «сенями», ведшими в личные покои Паскевича — в его «башню из слоновой кости», где сейчас расположена экспозиция «Владельцы Гомельского имения Румянцевы и Паскевичи». Увы, дореволюционное убранство Белой гостиной не сохранилось и восстановлено быть не могло, поэтому в наши дни здесь устроили камерный зал, где проходят концерты и различные мероприятия. В особенности любят Белую гостиную вокалисты — за ее прекрасную акустику.

▲ Колонный зал — композиционный центр дворца, самое торжественное его помещение.

Красная гостиная была при Паскевичах более «домашней», через нее лежал путь к домовой церкви (теперь в ней экспонируются «культовые предметы из фондов музея»). Сохранились сведения, что именно эту комнату, заполненную фамильными портретами, любила больше других княгиня Ирина Паскевич. Интерьер Красной гостиной восстановлен.

◀ Красная гостиная — любимый «уголок» княгини Ирины Ивановны Паскевич.

Не только оружием

Хитрец Талейран писал Н. П. Румянцеву: «Вы соединяете в себе французскую любезность с английской глубиной и ловкость итальянца с твердостью русского». Это не одна лишь лесть — граф действительно соединял в себе множество достоинств и талантов. Притом проявил он их не только на дипломатическом поприще.

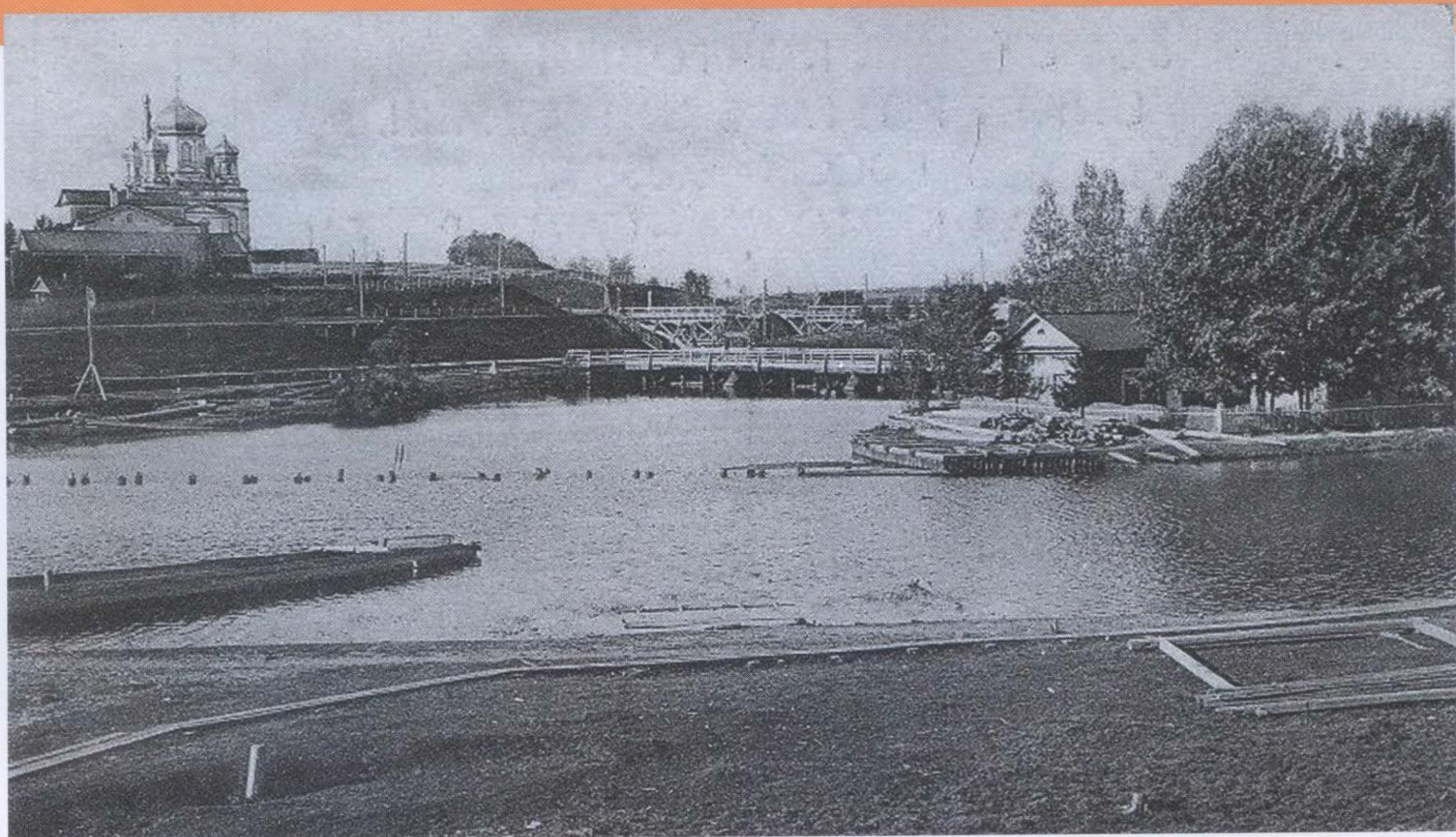
Гравированный портрет Н. П. Румянцева. Всей своею жизнью этот человек оправдал фамильный девиз: «Non solum armis» («Не только оружием»).

Род Румянцевых не принадлежал к знатным, исстари приближенным к престолу. Дед нашего героя, Александр Румянцев, был всего лишь сыном захудалого костромского дворянина. Однако ему посчастливилось, стоя на часах во дворце, обратить на себя внимание Петра I. Расторопный молодой человек снискал расположение самодержца и впоследствии весьма ловко выполнял его поручения — в том числе весьма щекотливого свойства. Например, участвовал в возвращении из-за границы бежавшего царевича Алексея. Ценя Румянцева, Петр породнил его со старинным боярским семейством Матвеевых, настояв на том, чтоб граф Андрей Артамонович Матвеев отдал за Румянцева свою дочь Марью.

От этого брака явился на свет Петр Александрович Румянцев-Задунайский, фельдмаршал, один из «екатерининских орлов». Женившись на княжне Екатерине Михайловне Голицыной, он стал отцом троих сыновей — Михаила (1751—1811), Николая (1754—1826) и Сергея (1755—1838). Все трое остались холосты, и род Румянцевых на этом поколении пресекся. Однако продолжиться в истории можно разными способами — и не только матримониальными, что мы и попробуем показать на примере Николая Петровича Румянцева.

Отец нашего героя — П. А. Румянцев-Задунайский.

▲ *Канал в Вытегре (часть Мариинской водной системы) на дореволюционной фотографии.*

Чрезвычайный посланник

Родился средний сын П. А. Румянцева-Задунайского в Москве, здесь же и провел свои первые годы, получая домашнее воспитание под руководством своей матери. Отца, отвлеченного от семейственных забот военными походами и государственными делами, он в детстве и отрочестве видел мало.

Девятнадцати лет Николай Румянцев был представлен ко двору — и представлен в совершенно триумфальной обстановке. Только что, благодаря победам Румянцева, состоялось заключение Кючук-Кайнарджийского мирного договора (и именно в тот день, 10 июля 1775 года, императрица повелела фельдмаршалу именоваться «Задунайским» — «для прославления опасного перехода его через Дунай»). Естественно, что сыновья виновника такого торжества были приняты императрицей совершенно особенным образом. Николая пожаловали камер-юнкером, а вскоре, в 1776 году, он уже получил первое дипломатическое поручение: отправился в Вену с извещением о вступлении цесаревича Павла в новый брак.

Затем последовало произведение Николая Петровича в действительные камергеры и его назначение «чрезвычайным посланником и полномочным министром во Франкфурте-на-Майне». На этом посту он оставался пятнадцать лет, исполняя деликатные комиссии императрицы (так, при его посредстве устроился брак великого князя Александра Павловича с принцессой Баденской Луизой) и возрастая в чинах.

«В качестве министра...»

При Павле I Румянцев возглавил Департамент водных коммуникаций, и именно при нем началось строительство Мариинской водной системы, соединившей бассейн Волги с Балтийским морем, что было необходимо для снабжения Петербурга хлебом.

Александр I вновь призвал Румянцева в сферу международных отношений — теперь уже в качестве министра иностранных дел: «В качестве министра Румянцов сопутствовал Государю в Эрфурт, а оттуда был отправлен в Париж для переговоров с Наполеоном, который в 1809 году пригласил графа быть посредником для примирения Австрии с Францией. Во время своего пребывания в Париже гр. Румянцов особенно пользовался благоволением Императора Наполеона, который, говоря однажды о обширных его познаниях, прибавил, что он не видел еще никого из русских с такими глубокими сведениями в истории и дипломатии. Славный договор, заключенный в 1810 г. в Фридрихсгаме, утвердивший навсегда за Россиею Финляндию, доставил ему звание Государственного Канцлера» (цитируем по биографическому очерку А. Д. Ивановского).

Удар

Надо сказать (и мы уже проговаривались об этом), что граф Румянцев не только «особенно пользовался благоволением» Наполеона, но и сам питал к нему необъяснимую доверенность, простиравшуюся очень далеко и дававшую повод злым языкам судачить о тайных переговорах, которые он будто бы вел с французским императором. Уже имея известия о вступлении наполеоновской армии в российские пределы, Румянцев не хотел им верить и убедился в их истинности, лишь получив подтверждение от самого Александра I. Это

▲ *Будучи убежденным сторонником мирных отношений с Францией, граф Н. П. Румянцев всячески способствовал встрече (на иллюстрации) Наполеона и Александра I в Тильзите.*

▲ *Получив известие о переходе французских войск через Неман, Румянцев не хотел ему верить — настолько он был убежден в дружеском расположении Наполеона к России. Когда печальная весть подтвердилась, с графом сделался удар.*

подтверждение стоило ему здоровья: с графом случился апоплексический удар.

Таким образом, с 1812 года Румянцев оказался в стороне от активной государственной деятельности. Хотя здоровье его до некоторой степени поправилось, но в результате перенесенного удара он почти потерял слух. После неоднократных прошений он, наконец, получил чаемую отставку и смог, уехав в любимый им Гомель, заняться достройкой Петропавловского храма и собиранием древностей. Или, как образно выразился о начале этой поры в жизни графа В. О. Ключевский, «из водоворота острых международных отношений наполеоновской эпохи он укрылся в обитель археологии и палеографии».

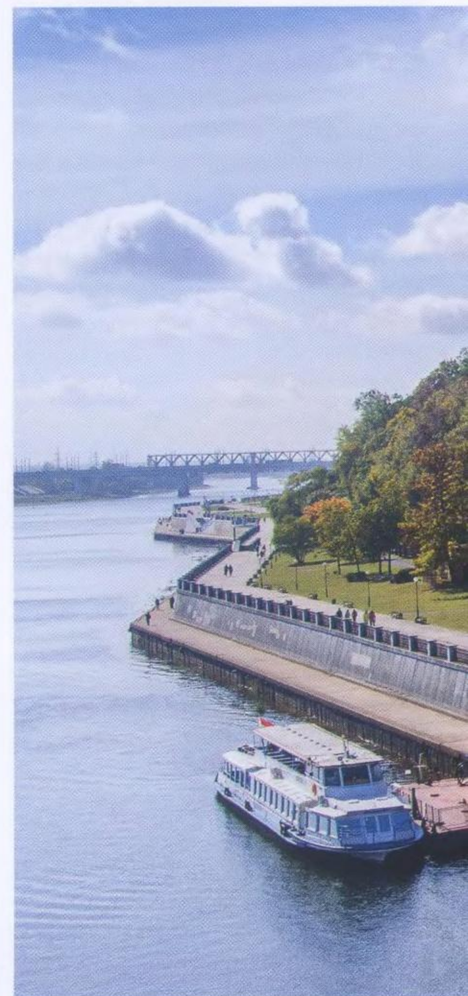
Кружок

Укрывшись в названной «обители», Н. П. Румянцев сделал для нее исключительно много. Как собиратель отечественных (преимущественно) древностей, как сплотитель вокруг себя единомышленников и сотрудников он не знал себе равных. Составившееся при нем содружество изыскателей (оно известно как «Румянцевский кружок», хотя и не было формализовано уставом, списком участников и т. п.) проделало чрезвычайно важную работу, собрав и издав — и тем самым введя в научный оборот, заложив, по существу, фундамент современной исторической науки — множество документов. На свои средства граф организовывал «экспедиции» по монастырям, извлекавшие из тамошних книгохранилищ (порой весьма беспорядочных) настоящие сокровища древнерусской письменности.

Наиболее постоянными сотрудниками Румянцева были А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев, Д. Н. Бантыш-Каменский. Но в той или иной степени примыкали к Румянцевскому кружку и другие деятели эпохи. В том числе, довольно оживленной была переписка Румянцева с митрополитом Евгением (Болховитиновым), не чуждым историческим штудиям.

«На благое просвещение»

Свою собирательскую (это, конечно, очень неполное определение) деятельность Румянцев изначально мыслил как направленную на благо общества, к пользе просвещения. И в этом отношении мыслил и поступал в контексте своего времени.

▶ *Вид на Петропавловский собор с моста через реку Сож.*

А. Н. Пыпин в «Общественном движении в России при Александре I» писал о той поре: «С особенной ревностью делались пожертвования на цели просвещения. Особенное впечатление произвело тогда одно пожертвование Демидова, простиравшееся ценностью до миллиона рублей —деньгами, имением (представлявшим капитал в 450 тысяч р.), библиотекой и несколькими кабинетами, и предназначенное для Московского университета и для будущих университетов, об открытии которых шла тогда речь, и для основания высшего учебного заведения в Ярославле (Демидовский лицей). В письме к гр. Завадовскому (в марте 1803), где делает первое предложение об этом пожертвовании, Демидов именно заявляет, что живое стремление быть полезным для отечественного просвещения явилось у него от глубокого удовольствия, с каким он читал только что вышедший план общего образования в России

«КУДА ЕДЕТЕ, ГРАФ?»

Гр. Николай Петрович, после апоплексического удара, чувствовал глухоту, которая до того в последние годы его жизни усилилась, что он не мог ничего слышать и разговаривавшие с ним должны были объясняться с ним посредством аспидной доски, на коей писали ему вопросы и ответы.

Вот любопытный анекдот о его глухоте. Великий Князь Михаил Павлович, проезжая через Гомель, встретил канцлера, ехавшего в коляске. Когда экипажи их поравнялись, Великий Князь вышел из своего экипажа и приветствовал канцлера, который также не замедлил выйти из своего экипажа.

— Куда едете, граф Николай Петрович? — спросил Великий Князь.

— Слава Богу, — отвечал канцлер, — совершенно здоров, кроме глухоты, Ваше Высочество.

Великий Князь при таком ответе улыбнулся, а окружавшие их, как всегда бывает, засмеялись. Скоро Великий Князь, простившись с канцлером, сел в коляску и уехал. Канцлер, не зная, чем объяснить улыбку Великого Князя и смех присутствовавших при разговоре с Великим Князем, спрашивает своего спутника Г. Д. Богацкого: чему смеялся Великий Князь?

— Вы, граф, невпопад отвечали не его вопрос. Он вас спрашивал о цели вашей поездки, а вы ему отвечали о здоровье.

— Ну, что делать, — смеясь, отвечал канцлер, — а я думал, что, по-старинному, сначала о здоровье спрашивают, я и сказал ему, что со слов совершенно здоров, кроме глухоты. Да уж далась мне эта глухота, который раз я впросак за нее попадаю.

А. Д. Ивановский. Государственный канцлер граф Николай Петрович Румянцов. Биографический очерк (1871)

Из писем графа Н. П. Румянцева А. Ф. Малиновскому

Сведав, что на днях ожидают возвращения Графа Толстого в Москву, покорно Вас, Милостивый Государь мой, прошу, не сообщая письма сего никому, приложить большое старание, чтобы он мне продал свою библиотеку... Мне помнится, что Вы, Милостивый Государь мой, беседуя со мною о сей библиотеке рукописей и старопечатных книг, почитали, что за оную можно дать 35 000 рублей и даже 40 000 рублей. Я Вас уполномочиваю купить ее для меня за 50 000 рублей, ежели Граф Толстой за сию цену согласен будет ее продать, и уплату сию я готов произвесть при покупке наличными деньгами.

23 окт. 1823 г. из Гомеля

***

Вы, конечно, премного одолжите меня, ежели приобретете те две серебряные монеты, о которых упоминать изволите. Коли сии две монеты не уступят за двадцать рублей, то, мне кажется, можно дать за них и тридцать рублей. Удовлетворите, пожалуйте, мое любопытство и не медля дайте мне знать, какому времени полагаете Вы, что они принадлежат. Не означен ли на той и другой тот Великий Князь, при котором они чеканены.

18 генв. 1824 г. из Гомеля

***

Меня многою радостию порадовал г. Калайдович, купив для меня весьма древнюю рукопись, и за цену умеренную. Вызывайте его продолжать мне делать подобные одолжения и сами, Милостивый Государь, тем же займитесь. Я получил не древние, однако прелюбопытные рукописи из Боровска, которые, между нами будь сказано, мы оба с г. Строевым проглядели, хотя посещали Боровск единственно для отыскания там бумаг.

28 окт. 1824 г. из Гомеля

***

С удовольствием поспешаю препроводить к Вашему Превосходительству копию с полученного мною письма от г. обер-прокурора Святейшего Синода. Вы из оного усмотреть изволите, что Святейший Синод предписал Московской Синодальной конторе допустить К. Ф. Калайдовича к подробному и ученому описанию тамошней Синодальной библиотеки. Возьмите, Милостивый Государь мой, меры, чтобы сие преполезное дело без потери времени начато и исполнено было. Смету нужную прикажите составить, и покорно прошу ко мне ее препроводить.

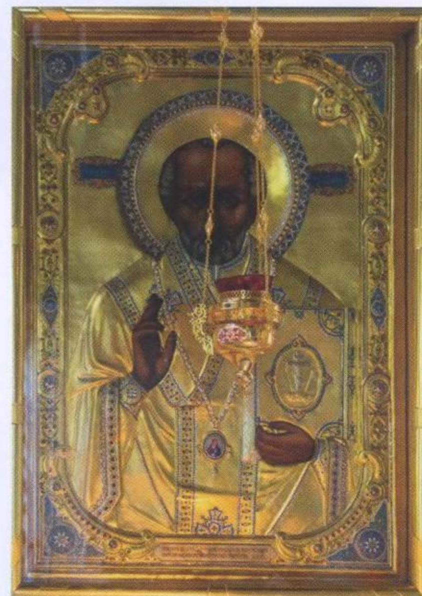
4 нояб. 1824 г. из Гомеля

Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1882. Книга 1

Книга XVII века из собрания графа Николая Петровича Румянцева в отделе хранения основных фондов Российской государственной библиотеки.

(„Предварительные правила народного просвещения", утвержденные 24 января 1803). Другое событие того же рода, произведшее тогда большое впечатление, было пожертвование в 400 тысяч руб., сделанное для Харьковского университета дворянством этой губернии... Не будем упоминать о множестве других пожертвований, которые сделаны были тогда в пользу университетов и которые нередко имели весьма значительную ценность, как пожертвования

▲ *Образ святителя Николая в гомельском Петропавловском соборе. В почитании гомельчанами Николая Чудотворца есть особый оттенок — благодарной памяти к его «питомцу», графу Николаю Румянцеву, «строителю и благоукрасителю храма сего».*

Безбородка, Голицына, Дашковой и пр.; о множестве пожертвований в пользу других учебных заведений, напр., военных дворянских школ, которые предполагалось учредить по губерниям, и т. д. Наконец, под влиянием тех же великодушных стремлений к общей пользе, возбужденных первыми временами Александра, сделаны были пожертвования графа Н. П. Румянцева: важные (и великолепно исполненные) издания по древней русской истории, покровительство ученым предприятиям, наконец, драгоценный музей, пожертвованный им (вместе с домом) „на благое просвещение" и

перенесенный теперь в Москву, составляли истинную заслугу русскому образованию».

Парусник Румянцева

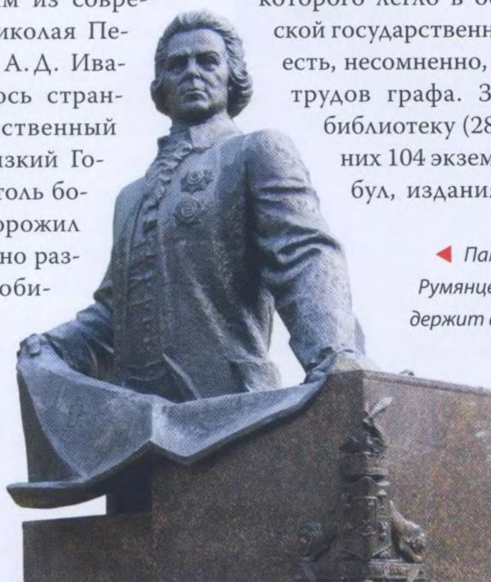
Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что жертвенность Румянцева не ограничивалась одними только деньгами. Совсем нет. Своим музеем он пожертвовал России по меньшей мере десять лет своей жизни, проведенные в неустанных трудах, одушевленные искренним желанием послужить отечественной науке. При этом в своем «прирожденном» кругу граф частенько слыл чудаком — именно из-за своих «археологических пристрастий». «Многим из современников графа Николая Петровича, — пишет А. Д. Ивановский, — казалось странным, что государственный канцлер, столь близкий Государю сановник, столь богатый вельможа, дорожил клочками едва удобно разбираемых бумаг, собирал обрывки пергаментных переплетов и разных харатейных листков, на которых значились слова, мало кому понятные. Но именно эти самые листки и клочки увековечили имя Румянцева, и кто из его современников, сановных бояр, мог подумать, что из клочков древних рукописей он составит величественное здание, которое просветит отечественную историю и составит несокрушимый памятник его имени».

▲ *С 1861 года Румянцевский «музеум» обосновался в Москве, в доме Пашкова.*

▶ *Петербургский дом Румянцева на Английской набережной, 44. Его граф завещал, вместе со своими богатейшими коллекциями, «на общую пользу».*

Румянцевский музей, собрание которого легло в основу Российской государственной билиотеки, есть, несомненно, главный плод трудов графа. Завещав свою библиотеку (28 000 томов, из них 104 экземпляра инкунабул, издания Эльзевиров, множество русских старопечатных и рукописных книг) и коллекции «на общую пользу», Николай Петрович действительно «увековечился». А еще — и об этом, стоя перед столь величественным деянием Румянцева, говорят редко и мало — он снарядил на свои средства экспедиции Крузенштерна и Коцебу. И теперь в Южной Америке растет пальма Сиагрус Румянцева, а на Филиппинах, Суматре и Яве живет бабочка Парусник Румянцева.

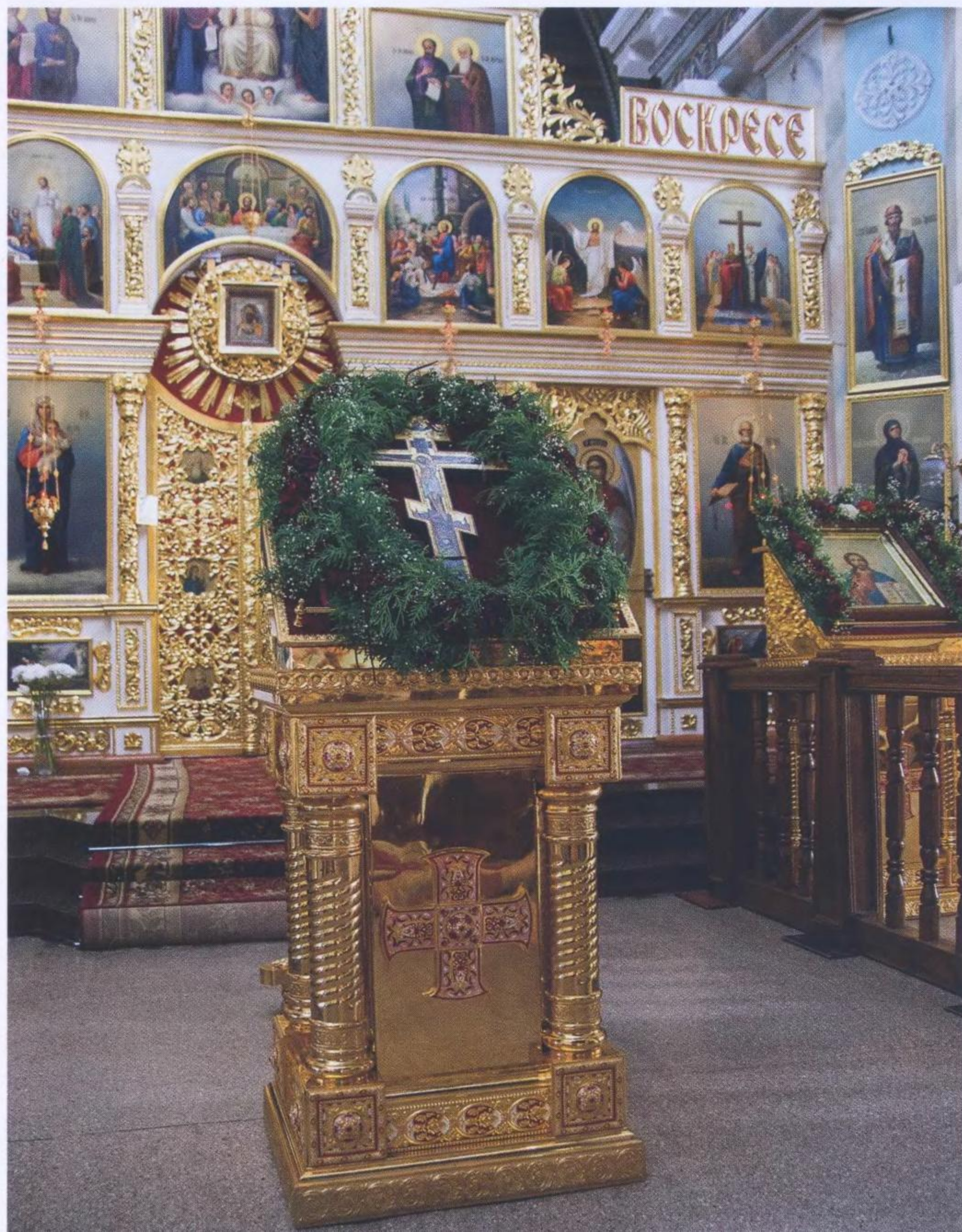

◀ *Памятник Николаю Румянцеву в Гомеле. Граф держит в руках план города с обозначенным на нем крестом будущим Петропавловским собором.*

Умер граф 3 января 1826 года в своем петербургском доме, завещанном им, вместе с со всеми вышеперечисленными богатствами, обществу.

«Исправить ошибки прошлого...»

В теперешнее время Петропавловский собор живет жизнью вполне обычного храма (за исключением того, что он является кафедральным для Гомельской и Жлобинской епархии). Но, для того чтобы началась эта «обычная жизнь», христианам Гомеля пришлось приложить немало усилий.

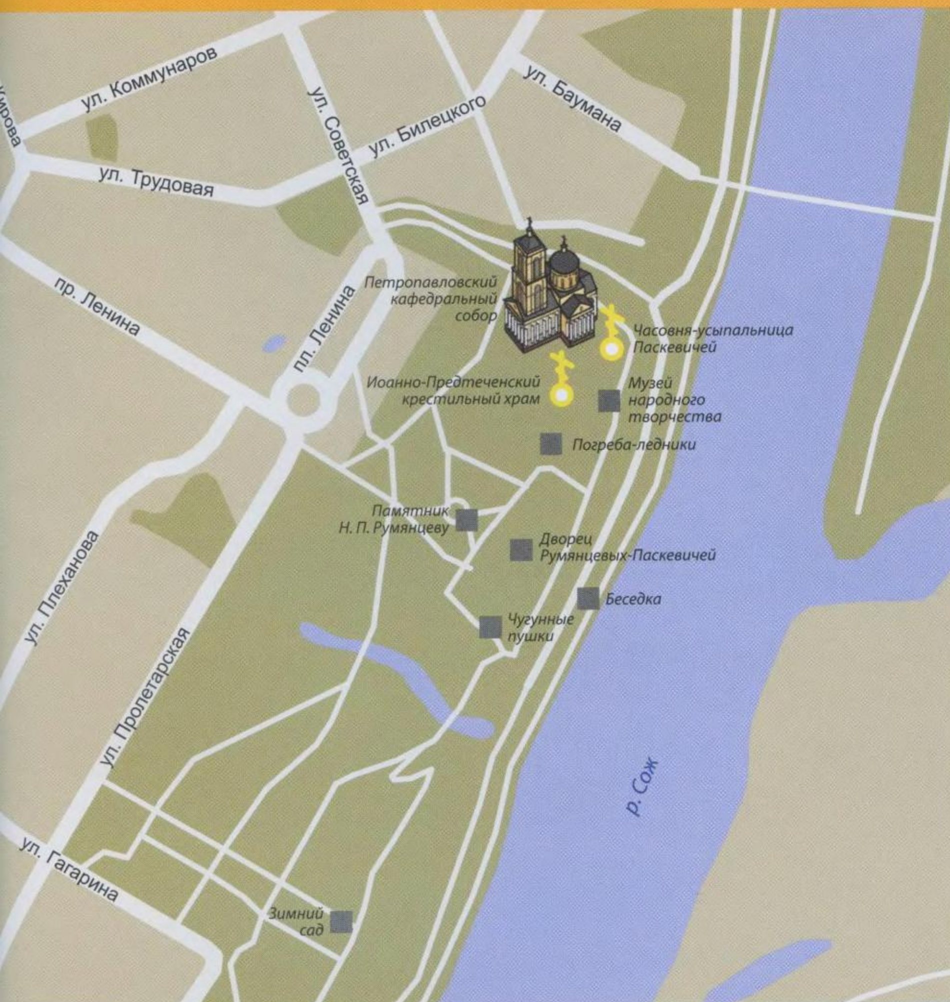

Впервые о возвращении Петропавловского собора в Гомеле заговорили «вслух» в 1987 году. 22 мая 1987 года в единственной действовавшей тогда Никольской церкви служил митрополит Минский Филарет. Престольный праздник, переполненный храм. После службы архипастырь, по просьбе прихожан, благословил собирать подписи за возвращение собора. Сам он также не раз обращался к властям, эзоповым языком говоря о необходимости «удовлетворить религиозные нужды» гомельчан. «С амвона этого величественного храма, — писал он председателю Гомельского облисполкома, — будет продолжена проповедь о добре, о высоком предназначении человека, о любви и милосердии, о крепких семейных узах как залоге благополучия и единства нашего советского общества».

Тысячи подписей собрали верующие, написали сотни писем в различные инстанции. Поначалу их всюду встречали отказом. Иные деятели выражались предельно прямо: «Только через мой труп получите собор!»

За возвращение собора высказывались и самые простые люди — заводские рабочие, совхозники, —

◀ *Крестовоздвижение. После литургии.*

Справочная информация

Богослужения в гомельском Петропавловском соборе совершаются ежедневно, в 8:00 и в 17:00. По воскресным дням — две литургии. Ранняя начинается в 6:30, поздняя — в 9:00. В воскресенье в 17:00 совершается вечерня с акафистом Пресвятой Богородице, в четверг в это же время — акафист апостолам Петру и Павлу.

Контакты

Адрес: 246050, Республика Беларусь, г. Гомель, пл. Ленина, д. 6
Телефоны: +375 (232) 74-14-94, 74-16-25
Сайт Гомельской епархии: www.eparhiya.by

Как добраться

Гомель имеет прямое железнодорожное сообщение с 31 городом. Время в пути из Москвы составляет 13—14 часов. Поезда отходят, естественно, с Белорусского вокзала. Из Санкт-Петербурга до Гомеля поезд идет 17 часов. Между Москвой и Гомелем существует также автобусное сообщение. Автомобилисты-москвичи должны рассчитывать на трассу М-3 (до Брянска, а затем — А-240, после белорусской границы переходящую в М-10), минчане — на М-5. Сравнительно неподалеку от Гомеля находится украинский Чернигов, из него в Гомель ведет трасса Е-95.

и весьма именитые. Заступался за верующих в письме к председателю исполкома Совета народных депутатов Гомеля Д. С. Лихачев. Это было уже в январе 1989 года.

▼ *Крестильный Иоанно-Предтеченский храм, выстроенный рядом с собором.*

В стране происходили перемены. Сообразно им менялась интонация писем в обкомы и облисполкомы. В августе 1989 года гомельские христиане уже разговаривали с властями так: «Сегодня, когда официально признано, что храмы отобраны у верующих незаконно, настало время исправить ошибки прошлого и передать собор Петра и Павла верующим… Мы добиваемся не какой-нибудь милостыни от государства, а восстановления справедливости, возвращения того, что у нас незаконно отобрали…»

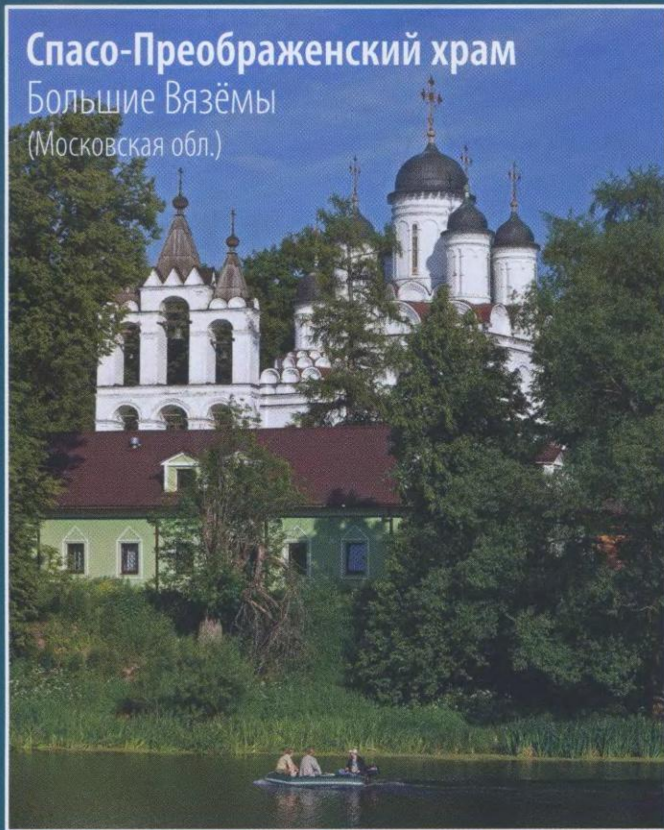
И вот, сопротивление было сломлено. В конце сентября 1989 года уполномоченный по делам религий передал верующим ключи от Петропавловского собора. Но прошло еще несколько месяцев, прежде чем здесь стало возможным совершить первую Божественную литургию. 7 января 1990 года, в праздник Рождества Христова, в храме Петра и Павла впервые за тридцать лет была принесена бескровная Жертва «о всех и за вся».

▲ *Зажечь свою свечу — едва ли не главная детская радость в храме.*

НЕ ПРОПУСТИТЕ СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР!

Спасо-Преображенский храм, Большие Вязёмы (Московская обл.)

Спасо-Преображенский храм в подмосковных Больших Вязёмах, бывшем имении Голицыных, — прекрасный образец так называемого «годуновского» архитектурного стиля. История церкви звучит громкими именами — храм видел Бориса Годунова и Патриарха Филарета (Романова), самозванца Лжедимитрия I и Марину Мнишек, Кутузова и Наполеона, Пушкина и, возможно, Гоголя... Сохранились в церкви и древние росписи, которые ждут своего вдумчивого исследователя.

В ПРОДАЖЕ ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ!

16+